

Свидетель Бездны

Dark Edge

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Dark Edge

Свидетель Бездны

<https://litres.ru/74198907>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы фаталист? Или реалист? Существует ли понятие души? Смерть - это конец? Как часто вы задаёте себе вопросы, на которые не можете найти ответ?

Это история о душе, о эмоциях, о жестокости, о вымышленной реальности.

Главный герой - тиран, которого только что свергли на собственной площади. Он умер. И очнулся. Новый мир - новые возможности и события...

Каждый человек проходит свой путь, а эта история про один из таких.

Содержание

Глава 1 - Пролог	4
Глава 2 - Начало	14
Глава 3 - Встреча с прошлым	28
Глава 4 - Убогое место	39
Глава 5 - Логово Стали	54
Глава 6 - Тем временем	67
Глава 7 - Пятый лишний!	82
Глава 8 - Почему я весёлый такой	98
Глава 9 - Что дальше?	111
Глава 10 - Рутинa фанатика. Часть 1	124
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Dark Edge

Свидетель Бездны

Глава 1 - Пролог

Полдень, небо заволокли темные тучи и лишь изредка пробивались тонкие лучи солнца. Ветер стоял, словно в предвкушении, а удушливый воздух давил на легкие с ноткой непертения.

Отовсюду слышались крики, лозунги и просто повседневные фразы, смешиваясь в единый гул осиногo гнезда.

Центр города, площадь окружают множество людей, взгляды которых устремились в центр, на самое долгожданное зрелище.

В середине был высокий столб и железный круг в основании, украшенный вырезами самых разных символов, создавая каналы для стекания крови. Это было самое популярное место для казни неугодных власти или просто отъявленных преступников.

В одно мгновение этот круг разделился пополам, и снизу выехал лифт с четырьмя людьми на нем.

Двое были стражниками в парадной форме — не самой функциональной, зато эффектной. Алые плащи развевались за их спинами, а на руках красовались нарукавники с чере-

пашьим орнаментом. Грозные маски на их лицах излучали величие и бесстрашие. Они крепко держали одного человека за искалеченные руки с обеих сторон.

Впереди стоял ещё один человек с подобием микрофона. Его деловой черный костюм украшали элегантные белые линии, собирающиеся в узор, напоминающий лианы. Они сходились к нагрудному карману, из которого выглядывала красная роза.

Тот час на четырёх больших экранах со всех сторон отобразилось происходящее в прямом эфире. Человек в костюме начал говорить. Лицо не выражало каких-то определённых эмоций, но строгие черты лица и характерные для прищуривания морщины были расслаблены, раскрывая приподнятое настроение.

- Спасибо вам всем, за то, что собрались сегодня тут, вместе с нами, чтобы проводить в последний путь так ненавистную нам бесконечную войну, эти жестокие годы мучений и прийти в новую эру справедливости и мира. - Он повернулся в сторону человека и протянул к нему руку с аккуратностью, как к дорогому экспонату - А вместе с тем и главное зло сегодняшнего дня, зачинщика этого ужаса, того, кто разрушил и втоптал наши дома и честь в грязь и даже дальше. В этот знаменательный день мы увидим мечту многих - кончину этого человека. И, как было определено из народного голосования, его ждет сожжение заживо на площади в центре столицы, что он сам и построил.

Толпа взревела радостными, даже злорадными, криками. В то же время железный круг задвинулся, после чего стражники заковали на столб этого человека облили горючей жидкостью и включили механизм подъёма. На экранах показывалось происходящее крупным планом с характерной для фильма тряской камеры.

Все тело этого человека было в ранах. На руках и ногах недоставало пальцев, по всему телу шрамы и синяки, а на связках рубцы, чтобы не мог говорить. Лицо потеряло какие-либо особенные черты: губы побиты, внешние уши оторваны, один глаз выколот, а нос сломан так, что дышать через него нельзя, из-за чего он дышал через рот, в котором найти зуб было достижением.

Но при всем этом его выражение лица и взгляд не показывал страха или особенных перемен, а губы показывали слабую ухмылку.

- И так, в последний раз прощаемся и отправляем в горнило страданий нашего "лидера", - Прокричал человек с еле видимым безразличием -, и начинаем отсчёт. На счет три: 3, 2, 1!

Тут же вспыхнуло пламя...

"Прекрасный день, чтобы умереть.", - промелькнуло в моем сознании, когда первые языки огня коснулись тела.

Сначала я чувствую запах дыма. Едкий, густой, он обволакивает горло, выжигая изнутри каждый вдох. Потом — тепло. Не тепло, нет. Жар. Он ползёт по ногам, цепляется за ко-

жу, будто тысячи игл впиваются в плоть.

Я пытаюсь дёргаться, но крепления впиваются глубже, будто напоминая: «ты всё ещё здесь».

Крик застревает в груди — дым выедает голос. Глаз слезится, но я всё ещё вижу их. Одни смотрят с жадной, усмешкой и ликованием, другие прячут взгляд. Они словно один большой муравейник, хотя я создавал нацию ос, эти мошки решили испортить тот идеал, к которому я стремился. Ведь с муравьёв не взять мёда, да и осы без пчеловода превратятся в паразитов без цели. Но слова больше не имеют веса. Здесь правда сгорает быстрее тела.

Боль становится острой, яростной. Мышцы сводит судорогой, кожа пузырится и чернеет.

Я хочу закричать, но губы слипаются с жадной в поиске воздуха.

В голове промелькнула мысль: а был ли я готов к такому исходу? Ответ отразился надменным оскалом и немой выразением: «Да».

Воздух больше не попадает в лёгкие — только пепел, только гарь. Теперь пламя обнимает меня целиком. Боль уже не моя — будто кто-то вырвал душу и швырнул в печь. Но странно: чем ярче огонь, тем холоднее внутри. Я падаю сквозь дым, сквозь крики, сквозь собственную плоть.

«Глупцы, моя смерть — это не решение ваших проблем. Все ваши улыбки не больше, чем иллюзия безопасности. В этом мире нет судьбы, а только жестокое настоящее, давя-

щее даже в самые счастливые моменты жизни.

Я стал вашим кошмаром, тем жрецом, что не щадил ни единого. Пусть я и останусь лишь историей, но для меня эта жизнь из тусклого света в подвале превратилась в свет, который светит ярче солнца, хоть и не дольше.

Комично даже...»

Последнее, что вижу: искры, танцующие в тёмном небе, как светлячки, на которые так редко обращал внимание.

А потом — ничего. Только огонь. Или же нет?..

В угасающем сознании вспыхивают осколки памяти - рассыпающиеся, как старая мозаика. Детство... Тускнеющие образы. Я был тихим ребёнком, не то, чтобы несчастным, просто иным. Когда другие дети гонялись за мячом, я смотрел на муравьёв, строящих свои империи у забора нашего дома. Такие сильные, умные и сплоченные, но все слабы, что даже одна случайная нога ломала их дом.

Сломанная игрушка — потрёпанный оловянный солдатик с отбитой рукой — единственный свидетель моего одиночества. Я называл его Командиром. Странно, как эти мелочи врастают в память... Сегодня, кажется, среда. Или пятница? Неважно.

Смех за окном в то время являлся скорее выходящим за повседневность, всегда был чем-то чужеродным. Словно звук из другого мира, куда мне не было входа. Я создавал свои миры между выцветших обоев и скрипучего паркета, где каждая игрушка имела свою роль, свою судьбу, своё ме-

сто в иерархии. Мой первый опыт власти — расставлять солдатиков, решать, кто будет жить, а кто умрёт.

...Матери не стало рано, даже не знаю, как она выглядит. Отец? Нет, отчим, у него были жёсткие руки с вьёвшейся машинной смазкой и взгляд, который никогда не задерживался на мне дольше секунды. Тогда я не понимал этого взгляда. Но вскоре понял — страх, со смесью безразличия. Даже не ко мне, скорее к самой жизни. Он боялся того, что видел во мне, но не мог назвать. Позже самолично наложил на себя руки.

В школе... Да, школа. Учительница говорила, что я способный, но странный. Сторонился ребят, зачитывался Макиавелли, когда другие только открывали "Трёх мушкетёров". В тринадцать я организовал первую "систему" — сеть одноклассников, которые делали за меня домашние задания, а я обеспечивал им защиту от школьных хулиганов. Не помню их лиц, только функции.

После этого меня заметил один странный, но от этого не менее привлекательный человек. Он забрал меня к себе и стал моим наставником и отцом, что не чаял во мне души. Но и сказать, что та любовь была таковой, я бы не сказал, всё-таки мафия не место сантиментам. В том время я не выполнял важных функций, только посыльного, которому авансом давала книги. Однажды я понял: история — это просто каталог ошибок, которых я не должен повторять. Как наивно.

Первая официальная должность... в администрации рай-

она? Или области? Путаюсь. Помню только чувство, когда впервые подписал документ, который что-то менял в жизнях людей. Это было как электрический ток — сладкий, обжигающий. Хотелось ещё.

Тогда же я познал чувство лишения жизни человека. И не одного. Не могу сказать, что не было страшно. Но и приятно тоже. Это было неординарное чувство, словно было чем-то сокрытым внутри, но ожидающее своего времени. Это было время расцвета.

Люди вокруг, их лица размыты, как в дождь за стеклом. Они приходили, просили, льстили, угрожали. Я быстро научился различать интонации страха в самой изысканной лести и ноты надежды в самых яростных угрозах. Научился использовать и то, и другое.

Кажется, была женщина... Нет, несколько. Их образы наслаиваются друг на друга, как негативы старых фотографий. Помню только, что ни одна не выдержала пустоты, которая жила во мне. Одна сказала перед уходом, если так можно это назвать: "В тебе что-то сломано". Глупая. Не сломано — так устроено.

Карьера. Взлёт. Интриги, компромиссы, неожиданные союзы. Каждый шаг — часть комбинации. Я жертвовал пешками ради ферзя, всегда держа в уме конечную цель. Какую? Забавно, сейчас это кажется таким незначительным...

Помню момент осознания — власть не приносит удовлетворения, только требует большей власти. Как наркотик, до-

зу которого нужно постоянно увеличивать. Я стал холодным, расчётливым. Устранял противников не из злобы — по необходимости. Делал то, что должен был делать.

Всегда был на шаг впереди.

Тогда же я сделал то, о чем предпочитаю никогда не вспоминать. Наставник, он был очень огорчен, когда падал на пол с окровавленным лицом из-за пули во лбу. Тогда у нас были частые ссоры, из-за того, что методы старика стали слишком мягкими для меня...

Когда пришло настоящее могущество, я удивился его хрупкости. Тронный зал, построенный на трясине. Каждое решение, каждый указ умножал число недовольных. Но это был мой путь. Я не мог остановиться, даже если бы хотел, но мне нравилось это чувство.

Голоса... Голоса народа становились громче, но я научился их не слышать. Как можно прислушиваться к тем, кто не видит всей картины? Они не понимали необходимости жертв. Я нёс бремя, которое никто другой не смог бы вынести. Иногда, в редкие моменты ясности, я спрашивал себя: тот мальчик с оловянным солдатиком — он бы узнал меня сейчас? Или испугался бы, как мой отец? Сделал ли я правильный выбор или мой путь ложный?

Теперь же, когда пламя догорает, а тени становятся длиннее, я вижу свою жизнь как единую линию — от тех детских игр к этому месту. Мой путь... или всего лишь оправдание? Туман сгущается. Сложно думать. Сознание гаснет.

И вдруг — возвращается.

Открыв глаза, я почувствовал еще свежее ощущение боли от горения. Казалось, будто лежишь на собственных костях... А я и правда лежу. Где же это? Вокруг темнота, виднеются стены из чего-то явно строгого и неоднородного. Тактильные ощущения немного странные. Земля была или из песка или подобной грязи, ощущается каждая песчинка. Проводя руками, постоянно цеплялся за разные неопрятные предметы. Запах вызывал небольшое отвращение, смешиваясь в нечто неоднородное.

В общем, место было ограничено, ещё и всякое тряпье валяется рядом. Ну, лучше, чем ничего, можно и надеть на первое время.

С одной стороны виднелся слабый свет, который так и манил меня, в поисках информации, чтобы остудить мозг. У самого, казалось бы, источника света, я наткнулся на что-то мокрое. Это было лужа, не смею предположить чего, но она хорошо отражала свет, и я наконец увидел.

В отражении лужи что-то шевельнулось. Из тьмы выступила зловещая фигура, и я отшатнулся, не сразу осознав, что движение повторяет мои действия.

Существо в луже было закутано в изорванный чёрный плащ, колышущийся будто сам по себе. Вместо головы — череп с расколотой теменной частью, украшенный бирюзовыми кристаллическими наростами. Из глазниц вырывалось янтарное свечение, пронзающее тьму. Под рваным краем

плаща виднелась грудная клетка — кости, между которыми пульсировал изумрудный свет, словно магическая эссенция заменила все внутренние органы.

Я поднял руку к лицу — отражение сделало то же самое. Чужая, костлявая рука с длинными фалангами повторяла каждое мое движение.

— И это я?! — вырвалось у меня непроизвольно. — Может, я и читал когда-то фантастику, но для бреда это слишком реалистично.

Теперь я мог говорить без какой-либо боли, что радовало. Но лучше бы на этом и остановились. Когда я обратил свой взор на свет, это оказалось вывеской. Язык был незнакомый своей орфографией, но я как-то автоматические его уже знал, и содержание вывески было не из лучших.

“Свалка”.

Для меня было лишь одно слово, чтобы описать всё как можно ярче и доступнее.

-Пиздец... Где я?

Глава 2 - Начало

Первые шаги давались мне с непривычным усилием. Казалось, что новое тело ещё не адаптировалось к моим желаниям, словно я пытался управлять куклой с туго натянутыми нитями. В сочленениях скрипели кости, а изумрудное пламя, заключённое между рёбер, то разгоралось, то затухало в такт моим эмоциям.

Я попытался коснуться того, что когда-то было моим лицом, но пальцы прошли сквозь пустоту глазниц. Двадцать лет я смотрел в зеркало каждое утро, поправляя галстук перед работой. Этот человек принимал решения, которые меняли судьбы миллионов. А теперь... теперь от него остался лишь костяной каркас.

Неужели это и есть моя истинная сущность? Неужели под всеми костюмами, улыбками и рукопожатиями скрывался именно этот... монстр?

Поначалу окружающее пространство давило на сознание, как тяжёлая, грязная вода. Свалка оказалась хаосом — горы мусора, как надгробия, росли вокруг. В воздухе висел не воющий смрад, а что-то другое — затхлость, словно само время здесь протухло.

Блуждая между обломками чужих воспоминаний, я пытался осмыслить произошедшее. Разрозненные образы пламени, криков и последних мгновений жизни мерцали в моём

сознании, как сломанный киноаппарат.

— Кто здесь? — раздался голос, прервавший мои мысли. Я инстинктивно скрылся за грудой хлама, заметив приближающуюся фигуру.

Это существо напоминало человека, однако его внешность вызывала странное чувство дезориентации. Будто кто-то создал имитацию человеческого тела, опираясь только на приблизительное описание: пропорции немного неправильные, движения слишком плавные, а кожа... кожа имела странный матовый оттенок, словно выцветшая фотография.

— Я знаю, что ты здесь, — проговорило существо без особого интереса, скорее как факт. — Недавно прибывшие всегда прячутся. У нас даже есть брошюра «Первые дни после смерти: что делать и куда идти». Да ладно, это шутка, просто не будь таким серьёзным.

Я выпрямился, понимая бессмысленность укрытия. Моя костлявая фигура отбрасывала искажённую тень на землю, а янтарное свечение глазниц, вероятно, было видно издалека.

— Где я? — мой голос звучал неожиданно глубоко, с эхом, отражающимся от рёбер.

Существо обернулось, изучая меня взглядом, лишённым как страха, так и удивления.

— Новенький, значит. Это Предреальность, точнее, один из её низших уровней. Свалка забвения, если хочешь поэтичное название. — Оно пожало плечами. — Я Проводник. Не имел настоящего имени, просто функция.

— Что это за место? — я сделал несколько шагов вперёд, кости хрустнули.

Проводник остановился, обернулся. В его взгляде было что-то похожее на жалость.

— А ты не догадываешься? — он кивнул на мой костлявый облик. — Посмотри на себя. Посмотри на них, — он указал на блуждающие души. — Это место, где форма не врёт.

— Я спрашиваю не о философии.

— Предреальность, — он пожал плечами. — Хотя для таких, как ты, это скорее... плата по счетам. Пройдём?

Пока мы шли, я заметил других существ среди обломков — они плелись бесцельно, но с резкими движениями, их взгляды были пустыми, словно они что-то потеряли и не могли вспомнить, что именно. Некоторые сидели неподвижно часами, уставившись в одну точку и что-то неустанно бормотали.

— Как долго они здесь, и почему? — спросил я.

— Для них понятие времени давно утратило смысл, — Проводник не оборачивался. — Кто-то недели, кто-то века. До тех пор... Хотя не важно.

Мы двинулись по узким проходам между горами мусора. Ландшафт менялся: груды хлама редели, уступая место чему-то упорядоченному. Вдали маячил город — угловатые силуэты зданий, слишком правильных, чтобы быть настоящими.

— Что это за Башня? — спросил я, когда молчание стало тягостным.

— Центр этого мира, — Проводник говорил, не оборачиваясь. — Место, где принимаются решения. Где определяет судьба. Туда приходят все, кто появляется здесь. Особенно такие, как ты.

— Такие, как я?

— С внешностью, отражающей внутреннюю суть, — он наконец обернулся, его взгляд задержался на моём черепе. — Твоя форма многое говорит о том, кем ты был.

Странное чувство тревоги пробежало по моему несуществующему позвоночнику. То, как Проводник смотрел на меня, не сулило ничего хорошего. Но я был политиком. Я умел скрывать свои эмоции, даже если теперь у меня не было лица, способного их выражать.

— А твоя форма? Она тоже что-то говорит о тебе? — задал я вопрос, пытаясь перехватить инициативу.

— Изначально, Проводники — пустышки. Люди хотят видеть ангелов? Вот мы и притворяемся, — он пожал плечами. — Всё ради иллюзий об абсолютной справедливости.

Город приближался. Строения напоминали здания из моего мира, но в то же время были чужеродными — слишком идеальными, лишёнными следов времени и естественного износа. Улицы были заполнены существами, каждое из которых имело уникальный внешний вид: кто-то напоминал людей, другие были искажены до неузнаваемости, третьи ка-

зались сотканными из света или тьмы.

— Прибытие нового мёртвого редко привлекает внимание, хотя твой случай другой, — заметил Проводник, указывая на группу существ, наблюдающих за нами с заметным интересом.

В центре города возвышалась исполинская башня, устремлённая к небу настолько высоко, что её верхушка терялась в облаках. Строение выглядело как сочетание стеклянных и металлических элементов, переплетающихся в сложную структуру, которая, казалось, дышала и пульсировала в своём собственном ритме.

Мы вошли в просторный холл, освещённый странным, мягким светом без видимого источника. В центре находилась конструкция, напоминающая постамент, а по бокам множество лифтов, но без привычных кнопок или панелей управления.

— Дальше ты пойдёшь один, — произнёс Проводник, протягивая мне листок бумаги.

— Что это?

— Справка о том, что ты мёртв не больше суток назад. Без неё в лифт не пустят. Бюрократия, знаешь ли.

После этих слов у меня появилось странное чувство джаву. А нет, ещё было отвращение.

Роскошный холл напомнил мне приёмы в президентском дворце. Те же высокие потолки, тот же мягкий свет, та же атмосфера важности. Только тогда я входил по-другому. А

теперь... Быстро всё меняется.

Я прошёл дальше, где мне вручили бумажку. На ней был номер 21 и ряд 3. Я посмотрел в том направлении и обнаружил очередь. Ну, теперь больше похоже на ад.

Я прошёл мимо всех этих людей к двери, но меня остановила одна душа, похожая на парня.

— Тут вообще-то очередь, всем надо!

— Вам тут спешить некуда, — вместе с этим я приспустил ткань и показал великолепие своей черепушки. — Мне только спросить.

Я ступил внутрь, и двери бесшумно закрылись за мной. Мгновение тишины, а затем...

— Приветствую тебя, — раздался мелодичный женский голос, доносящийся отовсюду и ниоткуда одновременно. — Я знаю, у тебя много вопросов.

— Где я? — спросил я прямо, не видя смысла в уклончивых формулировках.

— Это Промежуточный мир, — ответил голос. — Место, где души ожидают решения своей судьбы. Мир между материальным существованием и вечностью.

— И какова моя судьба? — Сама суть вопроса была для меня отвратной. Почему это они решили, что у меня должна быть судьба? Я решаю, как мне жить, или умереть в моём случае.

Пауза затянулась. Я почувствовал, как что-то изучает меня, взвешивает.

— Забавно, — наконец раздался голос, и в нём слышалась усмешка. — Даже здесь ты говоришь как кто? «Какова моя судьба?» Словно это что-то, что тебе должны.

— А разве не должны?

— Ты правда думаешь, что заслуживаешь особого отношения?

Пламя в моей груди вспыхнуло.

Лифт начал движение, стены стали прозрачными. Я увидел пейзажи за окном, но меня привлекло другое: уровни Башни — на верхних этажах существа излучали мягкий свет, их движения были уверенными, лица спокойными. Чем ниже, тем тусклее становились фигуры. Посередине были и те, и другие, только полулюди, которых я встретил ранее, были в квадратных коробках, а вокруг стояли обитатели Верхушки.

— Я заслуживаю правды.

— Правда? — голос стал холоднее. — Хорошо. Правда в том, что ты не простая душа. И это твоя проблема. — Верхних помнят, нижних забывают, а между ними — те, кого ещё не определили.

На среднем уровне мелькнула душа в военном мундире. Она билась в стену, кричала. Остальные, якобы ангелы, смотрели через стены и что-то строчили в блокноты.

— Его уже не помнят в твоём мире, — пояснила Хранительница. — Скоро он покинет нас тут и переродится чистой душой в том мире.

На некоторое время голос остановился, но сразу же с небольшой насмешкой продолжил:

— Была раньше похожая душа, так он пробрался в Основной мир, где пропагандировал свои идеи от имени Бога, потом умер от рук людей, ещё раз вылез и пообещал вернуться. Ну мы его поймали и убили нахуй, чтобы порядок не портил. Кстати, он до сих пор в нашем чёрном списке. Буквально...

Лифт остановился на одном из этажей, и двери открылись, выпуская меня в просторный зал с панорамными окнами, открывающими вид на весь город.

Человек в белом костюме провёл рукой по воздуху, и над большим деревянным столом возникли мерцающие образы: толпы людей на площадях моего родного города. Они жгли мои фотографии, но некоторые незаметно сохраняли всё, что со мной связано.

— Интересное зрелище, не правда ли? — он откинулся в кресле. — Вчера ещё боялись произнести твоё имя вслух, а сегодня одни называют тебя мучеником, другие — тираном.

В воздухе промелькнули новые картины: мои статуи, которые сносили в одних городах и воздвигали в других. Дети, изучающие меня в школах. Протестующие, скандирующие лозунги против моей политики.

— Человеческая память — забавная вещь, — он щёлкнул пальцами, и образы исчезли. — Сегодня ты дьявол, завтра — святой. Всё зависит от того, что выгодно в данный момент, что модно.

— И что теперь? — я подошёл к окну, наблюдая за городом внизу. Меня не потревожил новый собеседник: если бы мне что-то и угрожало, то я бы давно улетел вниз без страховки...

Сама комната излучала пафос и намеренную чистоту. На одной стене окна, на другой большая картина космоса, а на стене, за спиной человека, крылья в рамке за стеклом, такие же, как у Проводника, только белее и больше.

Но я заметил интересную деталь: выглядел как государственный работник, но без бумажек — явно выше среднего. Чем выше должность, тем меньше работы, даже в загробном мире ничего не меняется.

— Теперь ты должен понять свою истинную природу. Этот мир — не просто место ожидания. Но когда будет принято решение о твоей судьбе, то долго веселиться не сможешь.

Я заметил движение за окном — группа существ, очевидно ищущих что-то или кого-то. Их форма была смутно знакомой.

— Они ищут тебя, — пояснил он. — Души тех, кто пострадал от твоих решений. Они знают, что ты рядом. В этом мире невозможно скрыться от последствий своих поступков.

— А если я не хочу сталкиваться с ними? — спросил я, в голове подразумевая и его тоже.

— У тебя нет выбора. Там это называют кармой вроде...

— Я так понимаю, у тебя ко мне дело? Это...

Меня перебили так, как будто слова и не давали. Он откинулся в кресле, сцепив пальцы.

— Знаешь, что самое интересное в людях? — он не ждал ответа. — Вы всегда думаете, что можете договориться. Что всё решается словами, сделками.

— А разве не так?

— Здесь? — он рассмеялся. — Здесь валюта другая. Но... — он наклонился вперёд, — для особых случаев можно сделать исключение.

— Какую цену вы называете?

— О, я не называю цены. Я предлагаю инвестиции в будущее. Твоё будущее может быть... комфортным. При определённых условиях.

Я молчал, изучая его лицо. Слишком гладкое, слишком идеальное.

— Вы не первый, кто пытается меня купить.

— Купить? — его брови поднялись. — Я предлагаю партнёрство. Разумеется, младшее партнёрство.

У этого парня откровенно радостное лицо, как будто он долго практиковался перед зеркалом и это его дебют.

— Я учту, но пока оставляю вас без ответа, — предложение не без подвоха, это проверка такая или что? На наивность? — Что случилось с теми, кто не принял предложения помощи?

— А ты как думаешь? — человек в белом слабо улыбнулся. — Впрочем, можешь сам всё узнать. У тебя есть время...

пока есть.

— Угрозы?

— Констатация фактов. Время здесь течёт по-разному для разных... категорий граждан.

С этими словами двери лифта снова открылись, приглашая меня уйти. Я вышел из Башни, чувствуя странное облегчение — по крайней мере, у меня была отсрочка.

Следующие часы я провёл, блуждая по улицам города, скрываясь от групп «людей», которые, как я понял, действительно искали меня. Я наблюдал за местными жителями, пытаясь понять структуру этого общества.

Я свернул в боковую улочку и сразу почувствовал изменение атмосферы. Здания стали ниже, свет тусклее. Существа, встречавшиеся мне навстречу, избегали смотреть в глаза — их формы были искажены, а надорванным голосом они что-то завывали, словно их души несли на себе тяжёлый груз.

В одном из дворов я увидел группу фигур, склонившихся над чем-то. Они шептались между собой, их голоса сливались в неразборчивое бормотание. Когда один из них заметил меня, все разом обернулись — их лица были пусты, как маски.

Я поспешно ушёл оттуда, направившись к более освещённым кварталам. Там существа ходили прямо, их одежда была опрятной, движения уверенными. Но и здесь я чувствовал себя чужим — мой костлявый облик выделялся среди их почти человеческих форм.

На небольшой площади я заметил группу существ с крыльями, светящимися неземным светом. Они парили над толпой, иногда спускаясь, чтобы заговорить с кем-то из обитателей. Судя по реакции окружающих, эти крылатые существа пользовались особым уважением, но основанным скорее на страхе, покорствуя. Эти взгляды были мне хорошо знакомы.

— Это Каратели, — раздался голос рядом со мной. Я обернулся и увидел маленькую фигуру, похожую на ребёнка, но с глазами, в которых читалась вековая мудрость. — Они следят за порядком. Им доступны все уровни Башни, даже те, куда обычным душам входа нет.

— Кто ты? — спросил я, немного озадаченный неожиданным собеседником.

— Никто особенный. Просто душа, которая здесь уже давно, — ответило существо с улыбкой. — В отличие от тебя. Ты новенький, и не просто новенький — ты тот, о ком говорит весь город.

— И что же они говорят? — я постарался, чтобы мой голос звучал безразлично, хотя внутри нарастало беспокойство.

— Говорят, что прибыл тиран, чья душа настолько искажена, что приняла форму иссушенной смерти, — существо указало на мерцающее пламя между моими рёбрами. — А ещё говорят, что ты не принимаешь свою судьбу, и это делает тебя опасным.

Я оглянулся, заметив, что наш разговор привлёк внима-

ние. Несколько существ указывали в мою сторону, а одно из крылатых созданий изменило направление своего полёта, приближаясь к нам.

— Тебе лучше уйти, — прошептал мой маленький собеседник. — Они ещё не готовы к встрече с тобой, а ты — с ними.

Я не стал спорить и быстро скрылся в ближайшем переулке, чувствуя, как изумрудное пламя в груди разгорается от смешанных эмоций.

Бродя по городу, я начал замечать знакомые символы на вывесках и зданиях — те же самые, что я видел на свалке. На одной из стен было написано подобием краски: «Набор на интенсив по проработке своих грехов. Думайте о будущем!», а рядом висело объявление более опрятное: «Личный психолог. Поможем проработать страхи!». Короче, качество чтения тут пока так себе.

Отражаясь в витрине одного из зданий, я вновь увидел свой облик: расколотый череп с кристаллическими наростами, пустые глазницы с янтарным свечением. Мой вид вызывал страх и отвращение, но в то же время было в нём что-то... правильное. Как будто именно таким я и должен был стать.

«Внешность, отражающая внутреннюю суть», — вспомнились слова Проводника.

Я вдруг понял, что меня ждёт в этом мире. Не прощение, не искупление, и даже не наказание.

Я радостно оскалился, если можно это так назвать. Это

шанс, мой второй шанс. Интересно, как выглядит Бог?..

Я был лидером, политиком, стратегом. И даже здесь, в этом загробном мире, я не собирался быть пассивной жертвой обстоятельств. Если мне предстоит встретиться с последствиями моих действий, я сделаю это на своих условиях. Если этот мир устроен иерархически, значит, здесь тоже есть власть, которую можно получить. Если здесь есть правила, значит, их можно изучить и использовать.

Глядя на Башню, возвышающуюся над городом, я почувствовал странное воодушевление. Это было новое начало. Не того пути, который я ожидал, но всё же — начало.

— Вот ты где, — раздался голос за моей спиной. Я обернулся и увидел одного из крылатых Наблюдателей, который первым меня встретил. — Он ждёт тебя...

Теперь я заметил, что его крылья были оборваны и кое-где с дырками, а матовость была более выцветшей, чем у других. Я выпрямился, встречая его взгляд без страха.

— Интересно, — ответил я, чувствуя, как пламя в моей груди разгорается ярче. — Ведите.

Я не знал, что ждёт меня впереди, но был уверен в одном: даже здесь, в мире мёртвых, я не стану покорным наблюдателем своей судьбы. Я буду тем, кем всегда был — человеком, который сам выбирает свой путь.

Даже если этот путь ведёт через огонь и новые жертвы. Хотя, честно говоря, после политической карьеры это не так уж страшно.

Глава 3 - Встреча с прошлым

Крылатый Наблюдатель повел меня от Башни боковым проходом. Потрепанные крылья волочились по земле, оставляя серебристые следы.

— Кстати, меня зовут Вильгельм, — бросил он небрежно. — Не самое ангельское имя, согласен. Я вылетел из официальной должности за... творческий подход к обязанностям.

— Что ты натворил?

Он окинул меня взглядом.

— Посмотри на себя в зеркало. Впрочем, ты уже видел результат. — Он остановился возле небольшой площади. — Скажи, тебя интересует местная специфика смерти?

Я замедлил шаг.

— В смысле?

— Можно ли здесь умереть повторно. И что из этого выходит. — Он достал из-под плаща старый револьвер — явно из моего мира, здесь выглядевший как музейный экспонат. — Хочешь эксперимент?

Мой взгляд скользнул по площади. Несколько душ неспешно бродили, обсуждая что-то на незнакомом языке. Обычные мертвецы, занятые своими призрачными делами.

— Практический урок анатомии? — В голосе прозвучали старые нотки. — Кого берем?

Вильгельм указал на мужчину средних лет в поношенном

костюме, изучавшего витрину несуществующего магазина.

— Рядовая душа. Никого не жалко.

Я взял револьвер. Холодный металл лег в руку как старый друг. Знакомый вес, знакомый баланс. В прежней жизни убивать приходилось часто — сначала лично, потом приказами. И то, и другое всегда приносило странное удовлетворение.

Подтекающее чувство поднялось откуда-то из глубины — как будто проснулся спящий инстинкт.

Я поднял оружие. Прицелился.

— Ничего личного, — пробормотал и нажал курок.

Пуля вошла в затылок. Мужчина рухнул беззвучно, его форма замерцала и растворилась. Остальные души даже не обратили внимания.

Хрустнул шейей. Движение получилось естественным, как дыхание.

— Неплохо, — одобрил Вильгельм, пряча револьвер. — Рука не забыла. Теперь слушай внимательно: здесь души не исчезают окончательно. Когда их «убивают», они попадают на верхние этажи Башни. Там... эксперты изучают их состояние.

— И?

— Обычно стирают память и отправляют на перерождение. Чистый лист в новом теле. — Мы двинулись по узким переулкам. — Хотя некоторых задерживают подольше. Проблемные случаи.

Несколько поворотов — и мы оказались перед входом в черный коридор. Стены здесь были из другого материала, словно вырезанные из живой тьмы.

— Дальше сам, — сказал Вильгельм, указывая на простую деревянную дверь в конце коридора. — Удачи... хотя сомневаюсь, что поможет.

Коридор поглощал свет. Тьма обволакивала, как густая жидкость. Дверь оказалась обычной — без украшений, даже лака не было. Толкнул — и вошел.

Дежавю ударило так сильно, что изумрудное пламя в груди дрогнуло.

Моя старая комната. Из времен мафии, когда я только начинал путь вверх. Тот же потертый диван, стол с царапинами от ножа, те же жалюзи. Даже запах — табак, кожа и что-то еще, что мгновенно отбросило на двадцать лет назад.

В углу завертелся водоворот тьмы и серебра. Воздух завибрировал.

Я знал, кто появится.

Из водоворота материализовалась знакомая фигура. Высокая, элегантная, дорогой костюм. Лицо почти такое же, как в памяти, но взгляд изменился — стал... мягче? Человечнее?

— Ник.

— Привет, мальчик. — Голос абсолютно тот же. — Неплохо выглядишь. Костлявенько, но стильно.

Я замер в дверном проеме. Что-то в его лице было не так

— слишком понимающее выражение, слишком спокойное.

— Ты организовал встречу. Зачем?

— Любопытство. — Он налил воды из графина, которого секунду назад не было. — Хотел посмотреть на человека, который меня убил. И на сына, которого потерял.

Наконец вошел, но не сел.

— Я не твой сын.

— Нет. — Кивок. — Сын не воткнул бы пулю в голову. Хотя... может, и воткнул бы.

— Чисто, профессионально, — уточнил я.

— Да. — В голосе прозвучало что-то похожее на одобрение. — Я плохо разобрался в отцовстве...

Повисла тишина. Я сжал кулаки — сжимать было нечего, но жест остался.

— Ждешь извинений?

— А тебе легче станет?

— Нет. — Руки дрожали. Я хотел сказать это проклятое «прости», но гордость не пускала.

— Тогда объясни. Почему.

— Право знать? — Я сел на край кресла, готовый вскочить. — Ты лишил меня всех прав, когда сделал своим оружием!

Эта обида вспыхнула неожиданно, из какой-то глубины, которую я предпочитал не трогать.

— Я сделал тебя сильным...

— Монстром! — Крик отразился эхом.

Он не дрогнул.

— И монстр сожалеет о том, что убил создателя?

— Чему ты меня учил? Что цель оправдывает средства.

Что чужая жизнь ничего не стоит. Что доверие — слабость.

— Я учил выживать.

Я резко встал, но он поднял руку.

— Сядь. Давай расставим все точки.

Я опустил обратно.

— Ты не понимал. Для тебя я был проектом. Ты воспитал идеального убийцу, а потом удивлялся, что он способен убить и создателя.

Ник долго молчал, вертя стакан.

— Может, ты прав. Может, я создал монстра. — Он встал, подошел к окну. За стеклом простирался туманный мир — ни живой, ни мертвый. — Знаешь, что я понял, умерев?

— Что?

— Самые важные уроки так и не преподавал. — Голос стал тише. — Как прощать. Как любить. Как оставаться человеком.

Учитель отпил воды. Рука дрожала.

— Самое больное? Я гордился тобой. Даже умирая. Удар был безупречным.

— Заткнись!

Вскочил, опрокинув кресло.

— Вот теперь проявляешь эмоции. — Печальная улыбка.

— Жаль, что раньше не понимал... А когда захотел показать

по-другому, было поздно.

Тяжело дышал. Поставил кресло, сел.

— Хочешь правду? Убил не потому, что сделал монстром. Убил, потому что любил. А ты... изменился. Перестал быть тем, кого знал.

Ник опустил голову.

— Не умел любить. Но хотел научить тебя... Из меня тоже когда-то сделали оружие.

— Не оправдание.

— Нет. Объяснение.

Тишина. Наконец он поднял глаза.

— Что теперь? Убьешь снова?

Покачал головой.

— Раскаиваешься?

— Сам как думаешь?

— Сожалею, что мы не смогли стать... семьей. Настоящей.

— Да. — Почти шепот. — Я тоже.

Стена растворилась, открывая проход в уютный бар. Дерево, приглушенный свет, полки с бутылками — только вместо алкоголя светящиеся жидкости всех цветов.

— Раз встретились, — сказал Ник, поднимаясь, — продолжим в более располагающей обстановке?

Точная копия нашего старого места. Камин, кожаные кресла, тихий джаз — под который планировались убийства и строились империи. Теперь его играли безликие тени.

— Расскажи о карьере, — Ник устроился в кресле, налил синюю пузырящуюся жидкость. — Слышал, неплохо устроился.

— Неплохо — мягко сказано. — Взял изумрудную жидкость, цвета пламени в груди. — Президент. Двадцать лет у власти. Контроль над половиной континента.

— Впечатляет. И как такая жизнь?

— Скучно. — Отпил. Вкус забытых воспоминаний и нереализованных возможностей. — Когда есть все, остается только поддерживать порядок. Никакого азарта.

— А жертвы? — Голос стал серьезнее. — Их было немало.

— Цена прогресса. — Пожал плечами. — Сам учил: нельзя сделать омлет, не разбив яиц.

— Сколько яиц?

— Миллион. Может, два. В основном препятствия для реформ.

Долгое молчание.

— Для тебя люди так и остались цифрами, — Ник поставил стакан со стуком. — За все годы ни разу не подумал о них как о людях?

— И что с того? — Звучало увереннее, чем чувствовалось. — Каждый мог выбрать. Просто не захотел.

— А если отказывались?

— Получали по заслугам.

— Думал о их семьях? Что чувствовали после?

Открыл рот для отрицания, но вспомнил плачущих лю-

дей над гробом Ника. Как та женщина держала фотографию дрожащими руками.

— Это... непродуктивные мысли.

Ник рассмеялся горько.

— Боже, я действительно создал монстра. И узнаю свои уроки в твоих словах.

— Твои уроки были правильными. — Наклонился вперед.

— Слабость — грех. Колебания — смерть. Единственный способ изменить мир — заставить.

— Вот чего не понимал: сила без сострадания — просто разрушение. Лидер без любви к людям — тиран.

— Красивые слова. Толк?

— Толк в том, что понял: все достижения, вся империя ничего не стоили. Построены на страхе и крови.

— Зато эффективно. — Тоже встал. — Страна процветала. Экономика росла, преступность падала.

— Те, кто выжил.

— Именно.

Стояли друг напротив друга. Между ними пролегла пропасть — не смерть, не годы. Идеология.

— Ты изменился.

— А ты — нет. В этом трагедия.

— Не трагедия. Последовательность. Я остался верен урокам.

— Худшим урокам. — Грустная улыбка. — А важные не усвоил.

— Какие? — Раздражение пробивалось сквозь контроль.

— Учил быть сильным, лидером, принимать трудные решения!

— Учил выживать среди хищников. Забыл научить оставаться человеком.

— Человечность — роскошь для лидеров.

— Человечность — единственное, что отличает лидера от тирана.

Залпом допил напиток, швырнул стакан в камин. Мелодичный звон, изумрудные осколки в пламени.

— Значит, я тиран. И что? Будешь читать лекции?

— Нет. Скажу правду, которую должен был сказать давно.

— И какую?

— Что горжусь тобой. — Тихо. — И одновременно раскаиваюсь в том, кем стал.

Слова ударили сильнее обвинений.

— Гордишься убийцей миллионов?

— Горжусь мальчиком, который выжил. Из ничего создал империю. Никогда не сдавался. — Подошел ближе. — Боюсь человека, который забыл, зачем стоит жить.

— Живу ради контроля. Ради возможности формировать мир.

— А ради кого?

Вопрос повис в воздухе. Рот открылся, но слова не шли. Почему этот простой вопрос казался сложнее всех остальных?

— Ради... — Пауза затянулась. — Идеи совершенного мира.

— Чьей идеи?

— Моей. — Слишком быстрый ответ. Слишком резкий.

— Кто ты такой, чтобы решать?

— Тот, у кого есть сила!

— Сила — не право. Сила — ответственность.

— Философия мертвеца. — Повернулся к выходу. — Забавно, но бесполезно.

— Подожди. — Схватил за руку. Прикосновение теплое, живое. — Скажи одно: принимая решения, отправляя на смерть — думал о жертвах?

Вырвал руку.

— Непродуктивные мысли.

— Человеческие мысли.

— Человечность... — Запнулся. Черт, зачем заставляет об этом думать? — Роскошь.

— Или единственное, что отличает от животных?

Снова тишина. Треск огня, меланхолический джаз, мерцание осколков.

— Самое страшное? — сказал Ник. — Все еще люблю. Как сына, которого не было. Поэтому больно видеть, во что превратился.

— А мне больно видеть, во что превратился ты. Слабым. Жалким.

— Возможно. Но сплю спокойно. А ты?

Вопрос остался без ответа. Хотелось соврать, но ложь не шла с языка. Молчание затягивалось.

— Мне пора. — Повернулся к выходу быстрее, чем следовало.

— Это не конец разговора.

— Для меня — конец. — Хотя надеялся на обратное. Проклятая психика.

В коридоре ждал Вильгельм, изучающий потрепанные перья.

— Трогательная встреча?

— Поучительная. Теперь знаю — даже здесь люди остаются слабыми.

— Или находят силы признать ошибки.

— Тоже слабость.

Пожал плечами.

— Добро пожаловать в мир сильных. — Указал на черный коридор впереди. — Дальше интереснее.

Шли по коридору, а я размышлял о встрече. Ник изменился — стал мягче, человечнее. Но это только подтвердило правоту. Смерть сделала его слабым.

А я остался верен себе. Даже здесь не собираюсь каяться. Игра только начинается.

Глава 4 - Убогое место

Мы вышли из темного переулочка на улицу. Под ногами грязь, вокруг серые цвета. Отвратительно. Меня уже не беспокоит, насколько я замечен, настроение все равно говно. Воздух на улице был тяжёлым, пропитанным смесью гари и сырости. Ещё и этот недо-немец решил плестись сзади.

— Куда дальше, невероятный гид? — язвительно спросил я, параллельно оглядываясь по сторонам. Моё внимание привлекло интересное мероприятие.

Двое бродяг копошились у мусорного контейнера. Их движения были резкими и непредсказуемыми. Было не сложно понять, что руки давно окоченели от холода асфальта, а нервы в этой атмосфере вышли на прогулку и не вернулись.

Выглядели они довольно естественно и по стилю: оборванная накидка поверх свитеров, которые годами копились послойно и создавали неповторимую гармонию запахов. Шапка, будто её обстреляли солью - столько дыр, а вместо нормально обуви носки под цвет грязи, базовые штаны с заплатками. Приличное количество волос по всему открытому телу, которые естественно закрывали проблески кожи за слоями грязи и копоты. Зато глаза показывали неудержимый азарт от того, что перед глазами впервые за долгое время кто-то выкинул так много еды. Это было довольно инте-

ресно наблюдать со стороны.

Один из них, тощий парень с провалившимися щеками, нащупал что-то особенно съедобное и торопливо сунул находку в карман. Торопливо огляделся на случай непредвиденной опасности с нездоровым блеском в глазах.

Я наблюдал за этой сценой и быстро отошел за угол, чувствуя, как внутри нарастает знакомая тяжесть. Слова Ника всё ещё звенели в ушах — про человечность, нравственность. Хотелось доказать ему неправоту. Или себе. Или всем сразу.

Подгадав момент, я незаметно, как в старину, подошел пока они были сосредоточены на своём, достал из кармана этого бродяги его кусок еды — подобие картошки в мундире, и швырнул его за угол здания. Неожиданно звук удара тупого предмета о стену прозвучал как выстрел в слабых шуршаниях переулка.

Тощий парень сразу же нырнул рукой в карман. Его лицо исказилось от ужаса, затем от ярости. Глаза, налитые кровью, впились во второго — грязного старика, или его подобие с тремя глазами, с дрожащими руками-клешнями, которые были все потерты и сильно деформированы, показывая долгую «жизнь».

— Где. Моя. Еда. Проклятый ты старикашка!? — голос первого был хриплым, полным нескрываемой злобы. Проступили его желтые зубы, которые больше напоминали акулы.

— Я не трогал, — старик попятился, поднимая конечности. Во взгляде не читалась ни капля страха, только смирившиеся и понимающие глаза. Три глаза... — Клянусь, не трогал. Хоть убей, в конце концов!

Тощий оскалился ещё сильнее.

Но вместо удара неожиданно проступили слёзы, он разрыдался.

Слёзы текли по грязным щекам, смешиваясь с пылью. Он быстро пытался их убрать и ещё больше размазывал по щекам грязь.

— Блядь! Прости, прости пожалуйста! Я... Я не хотел я на тебя так! Ха-а... Ты же знаешь, наверное, опять померещилось. На таблетки от глюков не хватает, — всхлипывал он. — Они снова начались, понимаешь? Они снова придут...

Старик молча, с каким-то немым пониманием, протянул ему половину своей корки. На его лице растянулась усталая, но искренняя улыбка — та, что появляется только у людей, познавших настоящую боль. Первый бомж тоже улыбнулся в ответ, пытаясь прекратить плакать, только как будто уже по другой причине. Так посмотрели друг на друга, с таким выражением лица...

Во мне что-то перевернулось. Настроение качнулось ещё сильнее. Этот мир такая дыра, полная хуйня! Да... Мышцы лица (если бы они ещё у меня были) напряглись. Я почувствовал, как сжимаются кулаки, почти ломая мои выглядывающие кости.

Мы с Вильгельмом стояли в отдалении, и всё это время он не произнёс ни слова. Просто наблюдал то за ними, то смотря на меня, как статуя. Даже тошно предположить, что он там себе надумал.

— Чё, блять, молчишь? — спросил я, не отрывая взгляда от сцены перед нами.

— Часто слова бессильны, — ответил он спокойно и отстранённо. Его взгляд перестал что-либо выражать и фокусироваться. — Лучше наблюдать со стороны.

Я обернулся к нему, и решил оценивающим взглядом осмотреть. Дорогой костюм со специальными вырезами для крыльев, но с проглядывающими потёртостями, особенно в руках, современные туфли, через плечо ремень с кобурой и револьвером из серебра, черные запонки, предположительно из остывшей лавы, если тут такая есть — на фоне этой нищеты перед нами, он выделялся из общей картины.

— Ты выглядишь довольно богато для человека, который любит наблюдать за страданиями.

Вильгельм усмехнулся, но в его глазах не было веселья.

— Я владелец собственного картеля, как-никак. Не вдаваясь в подробности, всё просто — добываем информацию и продаём её тем, кто готов платить. В этом мире информация такая же по ценности, как и везде. Как сказали бы другие: дороже золота, а золото дороже жизни.

— Очень интересно слушать эту нудь, ты как давно вообще сдох, дед? Расскажи про Нижний этаж, это хоть полезней

будет.

Вместо ответа он жестом указал на чёрное авто, появившееся из ниоткуда неподалёку. Автомобиль был слишком новым для этих мест, слишком выделяющимся, специально на показ.

— Садись, — сказал Вильгельм, доставая ключи. — Устроим тебе ознакомительный объезд. Некоторые вещи лучше увидеть своими глазами.

Я ещё раз взглянул на двух бродяг. Они сидели рядом на корточках, деля между собой крошки. В их движениях была какая-то первобытная нежность — та, что рождается только в самом аду.

Паршиво всё-таки. Не люблю эти контрасты чертовы.

Дверца щёлкнула, и я шагнул внутрь...

Машина скользит между домами, где кирпичная кладка викторианской эпохи соседствует с современными особняками начала двадцатого века. Их резные наличники, балконы с коваными решетками и мансардные окна чудом сохранились. Но город словно пережил обстрел из невидимого оружия. Часть фасада доходного дома обрезана идеально ровно, и в воздухе мерцает его призрачный остаток — полупрозрачные стены, тающие лестницы, комнаты, набитые мебелью и фотографиями, которые больше нельзя потрогать. Рядом стоит целехонький особняк в стиле ампира, его колонны и фронтон нетронуты, но из окон смотрит такая пустота, что

хочется отвести взгляд.

Небо затянуто бесконечным потоком облаков — они ползут друг за другом серой массой, не оставляя солнцу ни единого просвета. Свет сочится откуда-то сверху рассеянно и безнадежно, окрашивая все в тона старой фотографии. Взгляд невольно скользит вверх — над крышами парят островки земли, словно кто-то разорвал реальность на куски и небрежно подвесил.

На карнизах и водостоках сидят птицы — не голуби, а что-то более зловещее. Черные, с непропорционально большими клювами, они поворачивают головы синхронно, следя за каждым движением внизу. Кажется, что стоит лишь замешкаться и они спикируют вниз стаей, чтобы растерзать. Одна из них взмахивает крыльями и перелетает на другой дом, её тень на мгновение накрывает лобовое стекло машины холодным пятном.

На мостовой между трещин в асфальте бегают крысы размером с кошек, их шерсть отликает неестественным металлическим блеском. Они не убегают от машины, а наоборот — выбегают на дорогу, словно проверяя, достаточно ли быстро едешь, чтобы они не успели вцепиться в колеса.

На одном из островов высится готическая башня, на другом — православная часовня с покосившимся куполом. Архитектурный бред, который каким-то образом обретает смысл в этом мире.

Туман ползет по улице, достигая колен редких прохо-

жих, превращая нижнюю часть города в призрачное болото. Сквозь эту пелену пробиваются стебли растений — не земных, а чужих, неправильных. Цветок размером с голову человека медленно поворачивается вслед за машиной, его лепестки переливаются цветами, для которых нет названий, а пестик переполнен глазными яблоками. Плющ с листьями, напоминающими человеческие ладони, обвивает фонарный столб, и кажется, что он шепчет что-то на забытом языке.

Люди... если это вообще можно назвать людьми. На ступенях небольшого дома с вывеской, гласящей «Аптека», с разбитой табличкой сидит человек-осьминог в засаленном сюртуке — его лицо заполнено разными склизкими щупальцами так, что не видно ни рта, ни носа, а руки слишком длинные, пальцы тонкие с дополнительными суставами. Он что-то шепчет себе под нос, покачиваясь взад-вперед.

Группа женщин в платьях эдвардианской эпохи неторопливо переходит дорогу — их корсеты и длинные юбки выглядят дорого. А лицо и руки закрыты плотными черными тканями, и все как-то неестественно одинаковы. Но спустя мгновение понимаешь, что черными они стали, как будто вырезали свою плоть по шаблону и черная кровь стекает с раны. А глаза полные старческой усталости... Они идут, не поднимая взгляда, словно несут невидимый груз на плечах.

Рядом с витриной часовой мастерской стоит человек в кожаном фартуке — его торс человеческий, но руки и шея заменены механизмами. Шестеренки и пружины поблескива-

ют на месте запястий, он что-то чинит, и его движения слишком точные, слишком плавные. Время от времени он поднимает голову и смотрит в сторону машины, и в его взгляде читается что-то среднее между завистью и жалостью.

В переулке между домами сидит группа существ — все они как будто полили свои головы керосином и подожгли. Руки и ноги темные, без одежды, а голова и плечи горят небольшим оранжевым пламенем. Вся их одежда — огнеупорные лохмотья. Один из них поднимает руку в приветствии, курит сигару, которую демонстративно поджег об голову друга с самодовольной ухмылкой. Но его улыбка того, кто притворяется, что ему все равно.

Из окна второго этажа выглядывает женщина в дорогом платье — её прическа безупречна, макияж идеален, но она плачет беззвучно, слезы текут по щекам тонкими ручейками, не размазывая косметику. Вытряхивает ковер, пока не устали руки, после чего из спины выглядывают ещё 2 пары и не перехватывают его.

Воздух давит на грудь, словно город дышит вместе с наблюдателем, навязывая свой медленный, умирающий ритм. Время здесь не течет — оно сгустилось, превратилось в янтарь. И только машина продолжает двигаться вперед, прорезая эту густую, мистическую реальность.

По ощущениям мы ехали медленнее, чем могли бы. Мне от этого, конечно, хуже не стало, но...

— Пиздец, это точно божьи творения? — сказал я с неподдельным удивлением. Подобный пейзаж встречал максимум в бреду.

— Вообще да, но причины глубже, чем просто посмеяться... — Вильгельм высказался наконец, но в голосе читалось какое отвращение или намек на гнев. — Я не могу вдаваться в подробности.

С этим недотрогой так тяжело вести нормальный диалог. Я поднял взгляд на дорогу. Впереди нам преграждали дорогу железные ворота: они возвышались перед нами как челюсти гигантского зверя. Как будто все провода в разноцветном защитном стекле выступали вена и артериями, а металлические острые штыки были клыками, в то время как смотровые окна с решеткой символизировали глаза, но весь каркас был во множественных заплатках. Весь дизайн так и сквозил технотриллером. Надписи на металле были выгравированы лазером — четкие, угловатые: «СЕКТОР 1.0».

Как только мы проехали через открывающиеся с грохотом створки, по ощущениям весившие тонну, мир за окном преобразился. Вместо разрухи и грязи — стерильные улицы, по которым скользили автономные уборочные машины. Здания росли как кристаллы, их фасады мерцали голографическими панелями, на некоторых была реклама, на других какие-то агитации. В воздухе гудели дроны размером с ворону, сканируя каждый метр пространства так, чтобы незаинтересованный человек и не заметил.

Я уже начал думать, что попал в какую-то техноутопию. Пока не увидел, как работает тут порядок.

Двое стражников окружили детей у входа в один из жилых блоков. Они были одеты в механизированные доспехи, но не как рыцари, а как роботы: пластины из какого-то легкого сплава накрывали друг друга как черепица, лица были защищены прозрачной маской, на руках перчатки, по бокам карманы. Судя по их виду, они были типа полицейских, а не военных или специализированных. Для удобства назову их Хер и Лысый, потому что один был с дубинкой из латекса, а другой без головного убора и лысый...

Они накрыли собой двух детей. Младший, мальчишка лет десяти, прижимался к спине сестры, которая была немного старше. Лысый пнул ребёнка в живот своим чистым сапогом, а тот согнулся пополам, но не закричал.

— Скучно уже стало, — с унынием в голосе сказал Лысый, без особого отклика в мимике.

— Ага, раньше было лучше. — улыбнулся Хер и кинул добивочный по спине мальчика. Они улыбнулись кривыми ухмылками так, что выступили ямочки на щеках и характерные морщины у глаз.

Я сразу узнал это выражение лица. Эти взгляд и улыбки... Когда началась война, пришлось собрать элиту. Отряд, который не уступал целому батальону. Тогда, после первой операции, конечно, успешной, я лично вышел награждать участников. В тот момент они были в обычной форме, и я пре-

красно видел их лица. Они выражали скуку и безразличие ко всему.

Но когда я увидел их в бою, я понял, что они из себя представляют: это были те самые маньяки, которые на темных улицах заправляют своим районом. Их улыбки выражали безмерное удовлетворение после каждого убитого, а ранение вызывало у них смех. Им было плевать на всё, кроме удовлетворения своего эго и удовольствия.

Идеальное оружие, но катастрофа для мирных. Всё-таки они тоже попали сюда после смерти...

В то время как я погрузился в воспоминания, мы уже почти проехали этот переулок. Эти ребята тоже заканчивали и действовали скорее всего по регламенту:

— Забираем девчонку, — металлический голос прозвучал через внешние динамики доспеха, который надел Хер — Годится для программы адаптации.

Сестра попыталась заслонить брата, но её грубо оттолкнули. Мальчишка потянулся к ней, и тогда Лысый пнул его ещё раз, уже в голову.

Я почувствовал, как внутри что-то лопнуло. Я всё понимаю конечно, но эта фривольность мне так непривычна... Да, именно она.

Обернулся к Вильгельму и увидел его взгляд — холодный, оценивающий. Он наблюдал за сценой как за экспериментом.

Наши глаза встретились. Вильгельм отвернулся с сухой

усмешкой, отводя взгляд.

— Район местного барона из фракции механиков, зовут Корвиным к сведению, — объяснил он, словно речь шла о погоде. — Помешан на рациональности. Считает, что эмоции — это избыток, который нужно искоренить. Сейчас как раз пробует новую программу.

— А дети? — мой голос прозвучал хрипло. Давно я не говорил видимо...

— Материал для экспериментов. Он хотел бы встретиться с тобой, поэтому мы тут. Но будь осторожен — многие влиятельные личности в этом мире обладают уникальными способностями. У него есть дар: "Кинетическое Архитекторство". Корвин видит фундаментальные "кинетические нити" — силовые линии, потенциалы движения, напряжения в материи и энергии. Он может с невероятной скоростью и точностью анализировать их и переплетать, перестраивать силой мысли.

Мы замедлились пока Вильгельм наконец соизволил что-то дельное рассказать. Такая информация никогда не будет лишней. Но если это так, то надо кое-что уточнить.

— Окей, тогда что насчет тебя? Мы уже выяснили, что ты не последний человек тут. Поделишься тайной? — он разговаривал! Так, надо не спугнуть. — По секрету, конечно)

Мы остановились на парковке перед массивным зданием. Оно походило на гигантский процессор — минимум окон, максимум функциональности. Трубы и провода опутывали

фасад как паутина, по ним пульсировали сгустки энергии.

— ... — Он посмотрел на меня как на дебила, будто я только что попросил показать фокус с исчезающей совестью. — "Теневые Каналы", я инстинктивно чувствую и создаю "каналы" в теневом пространстве. Эти каналы хрупки и непредсказуемы, но мне хватает и таких... А вообще нам пора.

— Зачем весь этот спектакль? — спросил я, выходя из машины. — Что я получу с этого? Почему подрабатываешь моей служанкой?

Вильгельм задержался у водительской двери, его лицо стало серьёзным.

— Я на твоей стороне. И на стороне Ника тоже. Но это остаётся, между нами. — сказав приглушённым голосом, чтобы никто не услышал, он изобразил подобие лёгкой улыбки. Как мило.

Сзади слышались голоса. Те же стражники волокли ребёнка к транспортному модулю, наверное. По крайней мере, выглядело это сооружение как подвал, какое клише... Девочку они уже затолкали внутрь. Мальчишка больше не сопротивлялся — просто шёл, опустив голову.

— В этом месяце план перевыполнили, — смеялся Лысый. — Барон будет доволен.

— Главное, чтобы материал был качественный, — откликнулся Хер. — А то в прошлый раз половина не пережила адаптацию. Ха-ха.

Как же вы заебали, и тут достали! Что-то внутри меня взорвалось.

Не было смысла, был только этот момент.

Я рывком выхватил револьвер из кобуры Вильгельма. Металл был холодным, но от этого не стало хуже.

БАМ. БАМ. БАМ.

Лысый стражник рухнул, искры полетели из пробитых систем доспеха.

Хер попытался развернуться, он успел поднять щит, но и его настигла расплата — пули прошли ему шлем. БАМ. БАМ. БАМ.

Щёлк. Щёлк. Ещё раз. И ещё.

— Блядь! — выругался я, отворачиваясь от дымящихся тел.

Кинул револьвер обратно Вильгельму. Руки дрожали, дыхание сбилось. В ушах звенело от выстрелов. Если бы я мог вырабатывать адреналин, он был бы на пределе.

Вильгельм торопливо поймал оружие и сунул его в открывшееся рядом с ним теневое подпространство — воздух просто разошёлся, как вода, поглотив револьвер без следа.

Большие двери здания открылись с шипением гидравлики. Из них вышли другие стражники — их доспехи были новее, покруче, с дополнительными модулями. Но они лишь равнодушно посмотрели на трупы своих коллег и жестом пригласили нас внутрь.

Только что я сделал... Это было иррационально, но мне

понравилось. Словно ничего не произошло.

Такая непринужденность настигла мой разум. Ни о чем не хочется думать...

Хотя ладно, это, наверное, просто усталость. Надо было сбросить напряжение, и они попались под руку.

Я взглянул на Вильгельма. В его глазах мелькнуло что-то новое — то, чего я ещё не видел. Взгляд того, кто живет дольше, чем его могут запомнить.

Я успокоившийся, решительно шагнул в темноту за открывшимися дверьми.

Кем бы ты ни был, наслаждайся своей властью, пока можешь. Мне пора действовать...

Глава 5 - Логово Стали

Мы шли дальше.

Коридор. Он напоминал глотку хищника, гигантского механизма, да и ощущался также. Провода змеились по стенам, пульсируя тусклым светом, редкие ребристые трубы вентиляции отсвечивали от маленьких ламп. На стенах мерцали экраны с данными. Каждое сообщение сопровождалось сухим механическим голосом, который постоянно сообщал что-то с холодной уверенностью.

Стены из бетона за слоем неаккуратной штукатурки как будто шептали: «не шастай тут, иди работай куда светлее!». Умно, что скажешь. Мне казалось, что я попал в чрево какого-то технологического монстра, с попытками в самовыражение. И это я про создателя этого места...

Стражники впереди меня были скорее машинами, чем людьми. Я видел, как микрофонные провода вращались прямо под их кожу — живые передатчики, ходячие антенны системы наблюдения. Их шаги гулко отдавались от металлического покрытия на полу, и я невольно подстроил свой ритм под них, хоть мы и не могли обогнать из-за массивных спин. Шкаф, так я бы назвал такие габариты.

Вильгельм шел рядом, плечо к плечу, но я чувствовал, как его мышцы скованы под тканью. Его напряжение.

Воздух здесь был наэлектризованным, насыщенным озо-

ном и металлической пылью. Световые индикаторы мигали ритмично. Создавалась атмосфера напряжения, но я пытался не меняться в лице.

А, бля. У меня, наверное, хорошо получается...

Я посмотрел на Вильгельма. Он шел и не выражал ничего, кроме спокойствия. Он смотрел так, как будто видел всё в этом полумраке.

Наконец мы пришли. Когда массивная дверь перед нами раскрылась с шипением пневматики, я понял — сейчас будет интересно.

Как только мы вошли, я огляделся.

Комната напоминала стерильный высокотехнологичный бункер - каждый метр пространства был подчинён строгому корпоративному протоколу. Стены из полупрозрачного неонного стекла отражали тусклый свет аварийных ламп, создавая эффект мерцающих голограмм.

Центральную часть помещения занимал массивный стол, который пульсировал разноцветными индикаторами, словно живой организм. Вокруг стола выстроились кибернетические кресла с холодными прикосновениями металлических подлокотников. В углу комнаты тихо гудел роботизированный дворецкий. В воздухе витал металлический привкус, смешанный с ароматом синтетического воздуха, струившегося из скрытых вентиляционных решёток.

Комната поражала контрастом по сравнению с мрачным

коридором. За столом восседал человек, который был произведением искусства хирургии и кибернетики.

Я сразу заметил, что правая половина его лица представляла собой трапецевидную металлическую конструкцию с встроенным красным глазом. Этот механический зрачок сканировал меня с нечеловеческой точностью, и мне стало не по себе от ощущения, что меня рассматривают как объект для анализа.

Лысина отливала металлическим блеском, шрам рассекал губу пополам. Он сидел в прочной рабочей куртке, а за его спиной едва заметно шевелились тонкие манипуляторы. Протезы рук лежали на столе с деловитой неподвижностью, но я чувствовал в них скрытую силу.

Корвин ещё раз оторвал взгляд от бумаг, и его искусственная улыбка не коснулась глаз.

— Прошу, господа. Время — деньги, а деньги — сила.

Даже не познакомились, сразу к делу, подлец.

Он жестом указал на кресла по обе стороны от себя. Я так понимаю, он пытается показать, что инициатива в его руках. Нельзя поддаваться этому пауку. Я молча сел напротив. А Вильгельм занял место сбоку, предпочтя позицию наблюдателя. Умно, весь огонь на меня спихнул.

— Реверсивная психология, — хмыкнул Корвин, — всегда срабатывает с эмоциональными типами. — он многозначительно посмотрел в мою сторону.

Говорит колкости и заумные слова в мою сторону..., да он охуел в край!

Горячая волна гнева ударила в виски, но я вцепился ко-
стяшками от пальцев в подлокотник кресла, заставляя себя
дышать ровно. Судя по информации, это сыграет ему только
на руку.

— Рано делать выводы, лысик. Мы толком не познакоми-
лись.

— О, но я наблюдаю за вами с момента вашего прибытия.

— Как ты наблюдал, если выбрал вилкой в глаз, а? — лад-
но, признаю, играем по-крупному.

Его механический глаз сфокусировался на мне:

— Камеры здесь везде. Каждый ваш жест записан и про-
анализирован.

Я сделал вид, что это меня не удивляет. Навряд ли тут есть
соответствующий закон.

— Игра и реальность часто не совпадают. — переведу всё
в актерское мастерство.

Корвин усмехнулся — звук получился металлическим,
как скрежет шестеренок. Бесит.

Я решил взять инициативу в свои руки.

— Те иррациональные элементы, которых я устранил,
привели бы нас только к хаосу.

— Неплохая попытка оправдания. — Корвин повернулся
к Вильгельму. — А вы, друг мой, слишком молчаливы для
участника переговоров. Особенно для того, кто даёт инфор-

мацию обо мне бесплатно!

— Я предпочитаю нейтралитет, — сухо ответил Вильгельм.

Я видел, как глаза Корвина сузились — и живой, и механический. Мне нравится это изменение.

— Нейтралитет... — Его голос стал опасно тихим. — Помню, как ты телепортировал нас в Кровавую пустыню, «случайно». Я потом три дня чистил свои модули от песка! И... других субстанций.

Я почувствовал, как Вильгельм напрягся рядом со мной. Скорей все это было заезженная тема, на которую часто давит Корвин. Хотя слово «телепортировал» меня заинтересовало. Нахуя тогда, собственно, мы ехали на машине? Спектакль...

— Прошу, не обижайся, друг мой. Досчитай до десяти, — добавил Корвин с иронией.

Вильгельм дрогнул, его лицо побледнело.

— Не стоит зазнаваться, — процедил он сквозь зубы. — Помни с кем имеешь дело. Это была... разовая ошибка, о которой ты мне уже выел мозги раньше!

— Разовая, — эхом повторил Корвин.

Я понял, что между ними есть какая-то старая история, которая может сыграть мне на руку.

— Время — ресурс невозполнимый, — отрезал Корвин, переходя к делу. Его взгляд обратился ко мне. — Я предлагаю альянс. Луиза, одна местная фанатичка, которая создала

и возглавила культ, решила, что она приблизилась к богу, и зазналась!

Он специально на одном дыхании решил пожаловаться мне на жизнь? Я ему не мамка.

— Хорошо, ближе к сути.

— Она держит артефакт, необходимый для моего особого проекта.

Вот оно. Настоящая причина моего приглашения.

— И что я с этого получу?

Корвин откинулся в кресле, его манипуляторы слегка расправились — жест, который должен был впечатлить.

— Проект «Солнце» — это безграничная энергия. Топливо на тысячелетия вперед. Вы пришли из будущего, с моей точки зрения, вы знаете цену ресурсов.

После небольшой паузы, продолжил:

— Я устал пытаться перестроить людей уже давно. Они все равно рушатся, даже когда даю им идеальный порядок...

Его голос стал гипнотическим, но я не собирался поддаваться.

— Представьте техно-утопию, где эмоции заменены стабильностью. Нет страха, нет сожалений, нет боли. Только сектора 1 и 2 — мы будем управлять этим совершенным порядком.

Я так понимаю он уже сделал для себя вывод, что я особо эмоциональный и поведусь на эти фантазии?

Слушал и взвешивал. Авантюра звучала заманчиво, но

ставки смертельны. И этот киборг явно не привык делиться.

— Меня больше привлекает абсолютная монархия, — сказал я наконец. — Где я правлю сам, а не бегая на побегушках у циничного куска железа.

Я видел, как лицо Корвина потемнело, механический глаз вспыхнул красным. Ах, как прекрасно.

Он уже открыл рот для возражения, когда дверь распахнулась.

Дверь громко открылась и без промедления за моей спиной послышалась громкая и радостная речь:

— Корвин! Наушники, которые ты сделал, просто великолепны! Звук такой чистый, что...

Голос замолчал, заметив нас.

В то же время я собирался повернуться, но почувствовал что-то новое. Когда я попытался направить и напрячь свои чувства за спину, я конкретно ощутил всё в ярких тонах: темно-серые цвета – окружения, слабые выделения тепла проводов и слепящий белый свет перед дверью.

Возможно, это явление связано с тем, что, по сути, у меня нет органов чувств. Одни кости, даже без кожи...

От этой внезапной фокусировки микроскопа мне стало не по себе.

В комнату влетела фигура, которая казалась ошибкой реальности в этом аду. Женщина с двумя парами белоснеж-

ных крыльев излучала тепло и свет — полная противоположность всему, что я видел в этом месте.

Я изучал ее — белая майка, пиджак цвета слоновой кости, с посеребрёнными нарукавниками, бежевые брюки. Красно-розовый шарф обвивал шею множественными петлями. Она выглядела как луч солнца среди наших темных фигур...

Тогда же пред мной начался настоящий спектакль по ролям.

Вильгельм в недоумении вопросительно кинул взгляд на Корвина.

Тот слегка покачал головой в отрицании и выразительно раскрыл глаз.

Вильгельм хмуро сверкнул на Корвина.

Корвин едва заметно закатил глаз.

— Елена, — холодно произнес Корвин, — я не назначал встречи для тебя.

Но ангел уже не слушала. Ее взгляд скользнул по мне и остановился на Вильгельме. Лицо озарилось радостью. Было не сложно догадаться, что эти крылатыши отлично знают друг друга.

Признаю, она заставила меня почувствовать что-то похожее на зависть.

— Виля! — Она бросилась к нему как на крыльях, обняв за шею. — Как давно это было! Я так скучала по твоему прелестному голосу!

Реакция Вильгельма была мгновенной и какой-то болез-

ненной. Он отшатнулся, как от удара.

— Ты должна забыть меня, — резко сказал он, осторожно убирая ее руки. — Или ненавидеть.

Я наблюдал за этой сценой, понимая, что стал свидетелем чего-то очень личного. Елена посмотрела на него с болью в глазах — взглядом того, кто прошел с человеком через ад и не потерял веры.

По крайней мере, в моем понимании...

После долгой паузы она тихо произнесла:

— Девять... Десять! Всё, я прощаю тебя снова, — с какой-то материнской нежностью медленно проговорила она.

— Тогда не было твоей вины, — добавила она мягко. — Так поступил бы каждый... Ну я точно!

Взгляд Вильгельма надо было видеть. Могу описать так: взгляд рядового солдата после войны на могилу матери. Или человек перед смертью, который осознал, насколько жалок.

Вильгельм резко отодвинул стул и вышел из комнаты. Хлопнул дверью как ребенок, но не мне судить.

Я слышал звон опрокинутого предмета — видимо, он задел что-то по дороге к выходу. Неудобно вышло, конечно.

Но главное не это.

— Кто вы? — спросил я, изучая странную посетительницу. — Ангелоподобная леди.

Её взгляд не выражал каких-либо изменений, по-моему...

— Елена. А крылья, это не про ангела, а удобно, — ответила она озорно, протягивая руку. — Приятно познакомиться-

ся. Расскажите о себе?

Мне было интересно узнать больше об этой женщине, но Корвин не дал мне такой возможности.

— Пять минут на непредвиденные обстоятельства истекли, — прервал он, поднимаясь. Может их было и больше пяти, но было видно, как ему стало скучно. — Мне пора.

Он повернулся ко мне:

— Я дам Вам время подумать. Стража проводит в жилые кварталы.

Прощание было формальным, но в механическом глазе Корвина я уловил что-то, что могло быть предупреждением.

Дверь хлопнула так же быстро, как и открылась.

— Просим за нами, пожалуйста. — процедил один из громил, пытаюсь выглядеть человечно.

— Понял, Понял. Не забудьте смазать колени по дороге, а то выглядите слишком болезненно.

Они не оценили и сразу пошли в противоположную сторону от входа.

Я бы, конечно, после такого не доверил им себя вести, но по дороге сюда я изучил план пожарной безопасности и примерно понял куда держим путь. Через пару утомительных минут они замерли у двойных дверей.

— Всего вам доброго.

— Ага, и вам не заржаветь...

Пройдя вперед, я увидел то, чего не ожидал. Эти инжене-

ры опять спиздили все самое лучшее у природы!

Картина была следующая: длинный коридор перпендикулярно входу освещался белыми лампами по всему ходу, а стены были разделены на участки в виде сот на 2 этажа. В каждую соту вела одинарная дверь с номером, а на верхние соты была вертикальная лестница и номер с индексом α .

— О, вы мистер, который пришел с господином Вильгельмом? Вам подготовили номер, держите.

Консьерж протянул мне карточку с ключом, даже не дав что-либо ответить. Ну а мне и не надо было, подумаешь.

Пройдя по коридору, я быстро нашёл свой номер и открыл его ключом.

Войдя в эту квартиру, я не ожидал чего-то стоящего. Но как только огляделся, все эти тревоги, будто кто-то снял их с плеч. То, что преследовало меня раньше, как-то медленно растворилось.

Это была самая обыкновенная комната. Яркий, хоть и не живой, свет проникал через окно прямо на стол у стены. Над ним чуть повыше была небольшая картина какого-то незасеянного поля, видимо, как напоминание... А еще выше полка из дерева, с самыми обыкновенными дверцами. Это выбивалось из того техногенного кошмара за окном, но от этого хуже не было.

Около двери стояла вешалка, куда я повесил свою единственную одежду на мне. Пройдя по ворсистому ковру, я остановился перед пластиковым стулом, сел, и посмотрел в

угол. Там стояла кровать от стены до стены, вся белая, но опрятная. Так и манит.

Я подошел к массивному столу с наклейкой мраморного узора. Погладив его костями руки, я почувствовал эту шероховатую текстуру.

На нем стоял чайник и пару блюдец с чайными листиками и молотым кофе. Я нажал на красную кнопку на ручке и слышался нарастающий звук шипения, а потом и бурления.

Смотря в маленькое окошко в чайнике, я видел, как бультается кипяток и из носика выходит пар. Как умиротворяет...

Взяв чашку с полки, я насыпал туда две ложки кофе и залил воду. Перемешав в однородное состояние, слышался терпкий запах свежесваренного кофе.

Хоть у меня и не было функционирующего носа, но я чувствовал каждую деталь этого запаха, наполняющего комнату. Я чувствую себя живым...

Так и оставив нетронутой чашку, я лег на постель. С подогревом, хах. Не укрываясь и не меняя положение, я смотрел в потолок и потерял счёт времени. Только ритмичное тикание часов на стене давало понять о том, что время не остановилось.

Уют — лишь очередная ловушка, но я позволю себе в неё войти. Потому что иначе сойду с ума.

Только сейчас я осознал, что все это время происходило... Это был не сон, а реальность. Новая, неизведанная реаль-

НОСТЬ.

И что же ждет меня дальше?..

Глава 6 - Тем временем

Воздух пах гарью ладана и чем-то сладковато-гнилым. Плотный дым струился по потолку, и красный свет масляных ламп дрожал, словно от ветра, которого здесь быть не могло.

Каменные стены, покрытые запёкшейся кровью и жирными пятнами воска, были завешаны новыми тканями кожаных оттенков с разными вышивками — как будто кто-то пытался успокоить этот кошмар.

Ткани впитывали в себя шёпот людей, стоящих вокруг алтаря. Их тени, вытянутые и искривлённые огнём, казались живыми — будто сами принимали участие в ритуале.

В центре комнаты возвышался массивный алтарь из чёрного камня, испещрённого рунными бороздами. Кровь, пролившаяся на его поверхность, стекала по желобам и медленно капала в чашу у подножия. Запах свежей крови перебивал даже удушающий аромат ладана.

Жертва — бледный мужчина с выколотыми глазами — была распята на алтаре кожаными ремнями, впившимися в руки и лодыжки. Его губы едва шевелились, из горла вырывался хрип, но окружившие его словно не слышали.

— Мы очищаем тебя страданием, — произнесла главная жрица, стоящая прямо за алтарём. Её голос, несмотря на изящество, был гулким, как в пустой колодезной шахте.

Она была облачена в длинный ритуальный плащ, пропитанный кровью. В одной руке держала кинжал с зазубренным лезвием, в другой — странный жезл пастельных цветов с железным наконечником.

С обеих сторон алтаря стояли кованые стойки с инструментами пыток. Некоторые уже использовались: на пол капала кровь с раскалённых клещей, пахло прижжённой плотью. По углам висели стилизованные фарфоровые блюда с медовыми свечами и благовониями — попытка перебить запахи.

Другой человек провёл лезвием по руке мужчины. Тот дёрнулся, но ремни не позволили даже согнуться. Кровь быстро наполнила тонкий резной канал и потекла к чаше, которая уже была наполовину полна.

Люди начали шептать — слова их молитвы звучали как гул множества насекомых. Каменные руны на полу вспыхнули красным, линии ритуального круга засияли слабым светом, словно напивавшись жизнью жертвы.

Жрица подняла голову и взглянула на одного из мужчин, стоящего на коленях. Тот смотрел в ответ пустыми светящимися глазами.

— Свет принимает его.

Она вонзила кинжал в грудь мужчины — глубоко и резко. Крик, вырвавшийся из рта жертвы, захлебнулся в собственной крови. Ритуальный круг засиял ярче, а тени, отбрасываемые лампами, будто оторвались от своих хозяев, извиваясь

по стенам как живые.

Шёпот стал громче, и яма ответила низким, утробным звуком.

Крик жертвы затих, оборвавшись на последнем хриплом всхлипе. Его тело дрогнуло, вытянулось в последней судороге и обмякло — руки бессильно провисли в ремнях.

Кровь всё ещё стекала по желобам в чашу, наполняя её до краёв. Запах сырой, горячей плоти смешивался с ароматом ладана, от которого кружилась голова.

Жрица подняла чашу обеими руками, словно священный сосуд, и повернулась к человеку, стоявшему на коленях у подножия алтаря.

Тот дрожал, хотя не смел поднять головы. Его длинные волосы свисали вперёд, скрывая лицо. Капли крови, стекающие с чаши, падали прямо перед ним на каменный пол, оставляя густые пятна.

— Эдгар, сын этого человека, — голос жрицы звучал как приговор, — ты пришёл очиститься от поедающей тебя Тьмы и стать истинным сосудом Света.

Эдгар поднял взгляд. Его глаза были красными от слёз, но он не плакал. Он смотрел на тело, что всё ещё висело на алтаре — это был его отец.

Когда-то сильный, упрямый человек, который учил его держать меч и смеялся над этими безумцами. Но теперь он лишь безжизненная оболочка, жертва, принесённая во имя Бога и его Света.

— Пей, — она протянула чашу. — С этого момента ты не сын своего отца. Ты мой, сын Света и Бога. Его кровь заменит твою.

Люди, стоящие в круге, начали бить в различные инструменты и издавать непонятные звуки. Их действия сливались в протяжный гул, от которого стены словно вибрировали.

Эдгар протянул руки. Они больше не тряслись — он взял чашу. Горячая, почти кипящая кровь плеснулась и окрасила его пальцы. Он прижал сосуд к губам.

Запах был невыносимым. Тёплая жидкость, тягучая и солёная, потекла в рот, и он чуть не выплюнул её обратно. Но взгляды новой семьи прожигали его. А Мать смотрела сверху вниз, словно судья, готовый вынести приговор.

Эдгар зажмурился и сделал несколько больших глотков.

Тело отца качнулось в ремнях, будто в последнем обвинении. Но он продолжил пить.

Когда он отнял чашу от губ, жрица удовлетворённо кивнула.

— Он принят. Очищен от Тьмы. Теперь ты один из Очей Света.

Ритуальный круг вспыхнул ярче, линии начали пульсировать красным светом. Внезапно пол под алтарём дрогнул, и из глубокой ямы в углу донёсся протяжный низкий гул — будто сам храм вздохнул. Тени на стенах начали извиваться быстрее, приобретая очертания когтей и ртов.

Эдгар опустил чашу. Его руки не тряслись, в глазах чита-

лось спокойствие. Он ощущал, как кровь отца обжигает его изнутри, словно выжигая всё злое, что в нём осталось.

В яме что-то зашевелилось. На миг показалось, что в темноте мелькнуло огромное око.

Мать подошла ближе и элегантным движением руки подняла его лицо за подбородок, наклонилась над ним, как мать над заболевшим ребёнком. Лицо жрицы было мягким, почти добрым — улыбка, чуть склонённая голова, пальцы, ласково касающиеся волос.

— Ты больше не будешь плакать, — прошептала она тихо, почти убаюкивающе. — Я заберу всю твою боль.

Жезл уже был раскалён и готов к применению.

Шиии-х

В комнате отчётливо слышался звук обжигаемой плоти — без единого крика.

Когда она отошла, все увидели, как Эдгар встал со свежим знаком на лбу.

Жрица отстранилась и медленно обвела взглядом стоящих в полукруге адептов. Те молчали, не шевелясь, словно статуи. Она выпрямилась, стряхнула кровь с пальцев о край ткани и сказала мягко, как учительница:

— Ты теперь мой ребёнок. Навсегда.

Из прокусанных им самим губ шла кровь, которая не могла затмить безумную улыбку. Слегка падая и сбиваясь с ног, он вышел в сопровождении двух людей в плащах. Голова была лёгкой, как пушинка, в экстазе, а ноги тяжёлые и жёсткие,

как железо.

Остальные вместе с главной жрицей немного погодя прошли за одну из ширм.

Они прошли в глубь тёмного коридора, недолго шли и открыли скрытую дверь в стене с лёгким скрипом.

Большая гостиная освещалась мягким светом ламп — на столе стояли бутылки, бокалы, тарелки с закусками. Слишком уютно для того, что происходило ранее. Мать сидела в кресле, закинув ногу на ногу, с бокалом янтарного напитка в руке. Она улыбалась — почти весело, но в глазах всё ещё был тот же холодный блеск.

— Значит, — глотнула, вытирая губы тыльной стороной руки, — на нижнем этаже у нас полный бардак. Вильгельм снова за своё? Или этот... как его, Корвин? — задумчиво постучала пальцем по стеклу бокала. — Ах, какие все взрослые мальчишки... А мы ведь им так доверяли, правда?

Один из приближённых — мужчина в белом плаще с золотой каймой — осторожно кивнул.

— Мисс Луиза, в последнее время наш Дом привлекает всё больше внимания. Возможно, нам стоит всё-таки обдумать предложения о сотрудничестве — поддержка никогда не помешает...

— О, хватит, — Луиза рассмеялась, откидываясь в кресле. Смех был странно тёплым, почти заразительным. — Вы все такие серьёзные. Иногда мне кажется, что я единственная, кто здесь ещё умеет радоваться жизни. — Она сделала

ещё один глоток и поставила бокал на стол. — Так, что там дальше?

— Есть данные, что человек Ника контактировал с Вильгельмом и Корвином. Возможно, они...

— Возможно, возможно, возможно... — Луиза закатила глаза и резко встала, покачнувшись. Бокал зазвенел на столе. — Дети мои, вы так скучны. Надо что-то придумать, чтобы все снова чувствовали, зачем мы здесь.

Луиза снова обратилась к собравшимся со своей мягкой, почти материнской улыбкой.

— А теперь пейте, мои хорошие. Мать сегодня в настроении.

В то же время, где-то в отдалении от этого кошмара наяву, в хаотичном кабинете...

Комната была тёмной. Готический стиль наполнял пространство.

В центре комнаты стоял резной деревянный стол из массива. Свет исходил только от настольной газовой лампы и пытался пробиться через узкие щели между жалюзи на окне.

По бокам висели картины в смешанных стилях с приглушёнными тонами, а на полках стояли витражные вазы с алыми розами, которые давно засохли.

Пол был сделан из камня и хаотично уложен, но поверхность оставалась гладкой. Перед входной дверью лежал светлый ковёр, словно выцветшая кожа, испачканный грязью и

временем.

Но главное, что действительно выделялось — полный хаос.

На столе куча бумаг: скомканные и разорванные, некоторые документы были выпачканы в вине, другие скручены в трубочки.

Сам стол был уже старым, и в глаза бросались различные порезы и ссадины.

Тук-тук

В комнату постучались.

Немного погодя, без ответа, человек вошёл в комнату. Он выглядел как обычный клерк — в белой рубашке и брюках, с круглыми очками на лице, которое выражало страх и неуверенность, но и смиренность. В руках была новая кипа бумаг.

Секретарь хотел подойти к столу, но остановился. Путь заблокировали осколки от бокала. Он поморщился от густого запаха табака в комнате и поставил документы на ближайший комод с небольшим зеркалом.

— Сэр Блэквуд, у меня доклад для вас, — приглушённо сказал помощник. В голосе читалась настойчивость, потому что это, как обычно, занимало у него много лишнего времени.

— Ах, у-у-у... — Из-под стола вылез человек. Он потянулся и зевнул, показывая своё безразличие. Это и был тот, кого звали Маркус Блэквуд.

Маркусу на вид под тридцать, он худощав, ростом чуть

больше шести футов, с неестественно бледным лицом, которое, кажется, никогда не знало солнечного света. Его тёмные волосы растрепанными волнами обрамляют острое, угловатое лицо с впалыми скулами и вечно налитыми кровью глазами, под которыми залегли тёмные круги, похожие на несмываемые синяки.

— Не делайте вид, что вы спали... — работник был осведомлён о некоторых проблемах Маркуса. Но особенно остро он воспринимал его непродуктивность.

— Хи-хи-хи, ты и твоя реакция, как всегда, забавны, — Маркус злорадно улыбнулся, обнажая белые зубы с ярко выраженными клыками. Но тут же его лицо исказилось: сначала в страхе, потом в ужасе, и за долю секунды — в отчаянии. — А-а-а-а! Бр-р, привет, а.. эээ, прости, подожди, ммм, я сейчас.

После крика он судорожно держался за лицо руками, а потом резко качнул головой, начал что-то тараторить, ворочаясь руками по столу, всё разбрасывая.

После секундной остановки его рука по привычке полезла в отсек под столом. Без промедления он достал оттуда шприц с матовой жидкостью фиолетового оттенка. Без раздумий и с пустым взглядом он ввёл себе инъекцию и распластался на кожаном кресле сзади себя.

— Ху-у-у, так-то лучше, ха-ха, — Блэквуд провёл рукой по мокрым волосам, фокусируя свой взгляд на помощнике. — Тогда перейдём к делу. По какому поводу ты пришёл, Ад-

риан? — спросил он с невозмутимым видом.

Адриан, всё это время стоявший с нахмуренными бровями, расслабился и перешёл к сути.

— Все наши активы в стабильном положении. Есть небольшие проблемы с поставками с берегов Бесконечного моря, что может потребовать вашего присутствия. — После небольшой, но многозначительной паузы он перешёл к самому интересному. — Что важно — большая часть наших ликвидных активов внезапно пропала без вести. Только потом была найдена записка от вас, что это для важного дела. Итак, к вопросу: что за дело, и где деньги?

На этот раз брови Маркуса напряглись, но он тут же перевёл всё это в шутку:

— Хм, припоминаю... Ах да! Тогда у меня были застои в мыслительном процессе по поводу найма новых сотрудников и пришлось прибегнуть к подобному. — Он подмигнул. — Но, к сожалению, все предполагаемые сотрудники оказались «вкусными», и дальше собеседования дело не дошло.

Адриан поднял очки и зыркнул исподлобья.

— Кхм-кхм, у вас есть собственные средства, а наша гильдия-компания рассчитывает все ресурсы с высокой точностью. В чём вы, директор-учредитель, непосредственно участвовали!

— Припоминаю... Ну ладно вам, окупимся ещё! Вам жалко для моей стабильности потратиться немного? — обиженно.

— В любом случае, сэр Вильгельм лично, как вы и просили, передал нам данные о новоприбывшей личности.

Адриан протянул документы к столу, а Маркус взял их и начал крутить из них сигары, что немного вывело из себя помощника.

— Это я просил для приличия. Наверняка информация не свежая и установлена как факт. Хитрый лис забрал себе самое сочное, — усмехнулся он.

— В любом случае, я отчитался. Попрошу ознакомиться с другими документами не позднее чем через три часа! Там также упоминается договор с мисс Луизой по поводу табака...

— Ага, будь здоров, — прервал без интереса.

После того как дверь захлопнулась, Маркус перестал крутить косячок и встал из кресла. Он повернулся к окну и с меланхоличным взглядом отдёргнул жалюзи.

За ними была кирпичная стена с вкрученной белой лампочкой в квадратном отверстии.

— М-да... Постоянно забываю об этом, ну ладно, — с небольшой досадой в голосе проговорил сам себе Маркус Блэквуд.

В том же отверстии стоял чёрный старый телефон. Маркус набрал какой-то номер и взял трубку в ожидании.

— Пора ждать перемены? Если не актёр, то побуду хоть зрителем, — сказал он в никуда с ноткой радости.

Пока Маркус наслаждался видами, в сырых тоннелях под другим сектором...

Гул старых труб отдавался в стенах, будто кто-то стучал костяшками пальцев по рёбрам железного зверя. В этом подземелье всегда было слишком тихо и слишком сыро для жизни. Но Ник здесь обосновался.

На перевёрнутом ящике — старые карты, грязные листы с пометками, фотографии людей. Большинство — обычные лица: женщины с детьми, мужчины в рабочих куртках, подростки с усталыми глазами. Ник провёл ладонью по бумаге, словно проверяя, живы ли они ещё.

— Мир трещит по швам, — сказал он негромко, как будто кому-то в углу. — Но вам всё равно приходится работать, есть, улыбаться... пока вас пасут как скот. Режут как мясо.

Он вздохнул и взял одну из фотографий: старик, улыбающийся во все зубы в окружении разных людей с бутылками спиртного в руках. Ник долго смотрел на него и усмехнулся одними губами.

— Ты всё ещё не отпустил, так ведь? — Он аккуратно убрал фото в сторону. — Надо, чтобы мы остались собой. Хотя бы так.

Он откинулся на стул и вытащил из внутреннего кармана небольшой металлический цилиндр. Картридж старого диктофона. Вставил его в устройство, нажал кнопку — и в комнате зашипели записи.

«Они будут винить друг друга. Народ сам начнёт ломать

себя. Достаточно поджечь один дом...» — женский голос звучал приглушённо, но ясно и мягко. Ник поморщился и тут же выключил диктофон.

— Сволочи. Все эти «лидеры» только и думают, как держать на цепи. Но пока они заняты своей войной, можно сделать это! Может, и богохульно, но... — Он наклонился над картами, водя пальцем по линиям, соединяющим разнообразные участки всех цветов. — Ещё немного... и всё пойдёт как надо.

Он замолчал. Несколько секунд слышно было только капанье воды и далёкий металлический скрежет. Ник закрыл глаза и улыбнулся как человек, который слишком давно не смеялся.

— Жаль только, он всё равно туда полезет, да? — Ник кивнул самому себе, будто в разговоре. — Конечно полезет. Такой человек не может оставаться в стороне, не удержишь.

Его рука машинально потянулась к старому револьверу на столе. Он проверил барабан, будто в сотый раз, и снова положил оружие рядом.

— Тебе не обязательно умирать, слышишь? — сказал он в пространство, глядя на одну из карт, где грубыми линиями был обведён целый район. — Но, если придётся... всё равно кто-то должен закончить это.

Он поднялся, подошёл к единственному работающему экрану, где мерцала камера улицы: несколько человек в рваной одежде катались в судорогах — то ли от голода, то ли от

чего-то большего. Ник посмотрел на них долго, с каким-то странным спокойствием.

— Ради них всё это. Ради них, не ради вас, ублюдки, — пробормотал он, явно не обращаясь к людям на экране.

Он выключил монитор, провёл ладонью по лицу и уже тише, как будто шутя, сказал:

— Ладно, друзья. Поиграем. Если повезёт — даже в героя.

— Снова разговариваешь сам с собой? — спросил человек в белом костюме с серыми крыльями — Вильгельм.

— Что за отрешённое лицо? Так долго слушал мой монолог, что успел заснуть?

— Нет, неважно... Я только пришёл. Из-за того, что ты был не в тех координатах, как договаривались, пришлось пройтись. — Вильгельм притворно закатил глаза и щёлкнул пальцами. — Ну что, в путь?

— Ага. А напомни, почему ты мне помогаешь? Или всё же используешь? — с многозначительной улыбкой спросил Ник, при этом незаметно включая диктофон.

— Тебе может казаться, что я не хочу брать ответственность и так далее, но это имеет значение? — Вильгельм создал чёрную сферу, и свет от лампы в этом месте исчез, будто его и не было. — Мотыльки не задают вопросов, когда летят на солнце. Ни себе, ни другим...

— На этом тему закроем, пора.

Ник взял револьвер, засунул его за пояс и быстро погасил лампу. Гул тоннеля снова поглотил их, оставив только запах

пыли и еле слышное капанье воды, и ощущение неотвратимости начавшегося.

Глава 7 - Пятый лишний!

Стыдно признаваться, но я сам не понял, как оказался в этом подвале. Но тут хотя бы тепло, и, что важно, никто пока не пытался воткнуть нож между рёбер. Это плюс.

Партия в покер. Холдем. Я не то, чтобы ас в картах, но жизнь научила блефовать и чують ложь, как зверь — кровь.

Две карты на руках, ещё три выкладывают на стол. Потом ещё две. Кто-то врёт, краснеет, и в итоге выигрывает тот, кто моргнул реже всех.

Играем вчетвером. Они говорили свои имена, но мне было не интересно.

Слева от меня — Усатый, трёт переносицу так, будто сражается с личным бесом. Усы отрастил из-за лишнего ряда зубов и вечно отвислой губы.

Справа — Коротышка, нервный, как будильник на войне. Похож на выжатую тряпку вековой давности.

Напротив — Гладкий, потому что лысый. Типаж тех, кто шепчет бармену «по-старому» в любом городе. Вместо кожи — чешуя с зеленоватым оттенком.

А я... ну, я просто играю. Хотя и не совсем глазами.

Я уже успел попрактиковать это своё зрение. Как со стороны.

Сначала был ужас. Выпал из головы. Летал за спиной, как неприкаянное привидение.

Но потом заметил: вижу больше. Шире. Ни одна морщина не ускользает.

И самое главное — вижу себя со стороны. И это... странно. Словно мой же труп раздаёт карты.

В покере оказалось полезно. Хе-хе...

Кто дёрнулся. Кто чешет нос, когда врёт. Кто двигает фишку, когда уверен.

И сегодня перед заданием я решил проверить, можно ли жульничать с этим цирком.

Усатый бросает карты, рычит. У него ничего. Губу заката!

Коротышка потеет. Вижу каплю — она течёт от виска — не от духоты. Значит, врёт.

Гладкий улыбается.

Слишком уверен. Как будто играет по сценарию.

Я перевожу взгляд от дальнего угла к нему за спину... и вижу.

У него пятый туз.

Пятый. Туз.

Он не вытянул его — он его положил. Под манжету.

Как фокусник. Только дурацкий.

На столе уже два туза, один у меня, один у Усатого. Это уже четыре.

А в колоде всего четыре. Всегда.

— Подожди, — говорю, немного подавшись вперёд. — У нас тут, блять, новая версия покера? С бонусным тузом?

Гладкий не моргает. Но затылок начинает запотевать че-

рез чешую.

— Ты блефуешь.

— Да ты себя послушай, змеюка. Вижу у тебя под рукавом карту с красным углом.

Коротышка глядит на меня, потом на Гладкого. Его морщины образовали мерзкую улыбку.

Усатый медленно достаёт что-то из-под стола. Не пистолет. Просто лом.

Но достаточно, чтобы переместить разговор в плоскость честности.

— Предлагаю вскрытие, — говорю, кивая в его сторону для вида. — Рукав.

— Это абсурд. — он ударил кулаком по столу.

— Именно. Поэтому покажи. — я не отступал.

Гладкий не двигается.

Мои глаза — там, сзади, за его плечом. Я вижу, как он прижимает локоть к боку.

А под манжетой — точно. Туз. Бубновый.

Ясно. Не только я умею жульничать. Но у меня хотя бы нет перчаток.

И тут... дверь.

Скрип, тяжёлый шаг, холодный воздух.

Пятый вошёл. Не игрок. И точно не зритель. Голос — низкий, почти как храп туберкулёзника:

— Надеюсь, никто ещё не выиграл?

Все замерли.

Для нас не было секретом, кто это. Мне дали документы, которые я изучил перед приходом сюда. Это был якобы командир.

Хотя, если посмотреть на его команду, то становится ясно, кого он из себя представляет.

Играть в покер с этим шапито — апогей моей карьеры, уж точно. Как я до этого докатился — отдельный вопрос.

Оглядываясь назад, можно с тревогой сказать, что мне навязали контракт с дьяволом. То, как настаивала эта консерва, надо было видеть.

По сути своей, для меня нет ничего сложного — последить там, передать то, убить этого. Но то, что смысл этих действий может быть искажён, никто отрицать не стал. Поэтому я ненавижу работать на кого-то.

После моего недолгого отдыха Корвин организовал встречу, где мы обсуждали условия сделки:

— Для закрепления нашего соглашения я предлагаю использовать этот контракт. — Корвин говорил это так официально, что создавалось ощущение, что меня где-то уже наебали.

Он указал на стол, где лежала светло-голубая бумага с каким-то свечением. На ней уже было написано «Контракт Души».

— Не сложно догадаться, это не просто бумага, а наш билет во взаимное будущее. — улыбка как по регламенту, к чему я уже привык. Корвину как будто я особо и не нужен.

— Звучит слишком фантастично для таких как вы. И осторожно. Для чего я тебе, старик?

Последняя фраза видимо немного отозвалась в нём, что меня порадовало. Старый хрыч.

— Зато удобно и надёжно. Ты мой капитал. Исходя из информации, ты довольно опасная единица для общест-венности, не последний человек для нашего оппонента Ника, и опытный человек для своего возраста. — Он посмотрел на меня многозначительно.

— Хочешь сказать, что я как граната, которую ты решил отправить своему врагу, и подписать со мной врага, чтобы «ни себе, ни людям»?

— Если подвести итоги в варварской манере, то так.

— Ох, интересно. Главное для вас не оказаться мартышкой, а то граната кусается. — я язвительно уточнил. Нашёл-ся интеллигент.

— Не беспокойся, это один из таких сдерживающих факторов. — Он указал в сторону контракта. — При невыполнении условий ты будешь чувствовать «адские муки» до того момента, пока тебя не заберут Стражники Верхнего этажа. Даже покончить с собой будешь не в силах. Хочешь, покажу демонстрационное видео?

— Доходчиво и так. — он точно не маньяк? Или тут все такие...

После прочтения всех условий у меня не могло не возникнуть ощущения:

— А тут точно отменили рабство?

— На подобных условиях работает большинство рабочих заводов. — Корвин постучал по столу, явно уставший от этой мороки.

Ну ничего, потерпишь.

— Тогда я готов быть минимум его директором. На таких условиях даже протезы работать не станут. Дай переписать пункты от 1 до 4 и разойдёмся.

— Смотря от изменений...

Я подумал, чем мне писать, как контракт сам начал изменяться по моему желанию. Ух, отвык от этой магии уже.

— Во-первых, свобода перемещения: хожу куда хочу, а отчитываться о задании буду раз в два месяца.

— В месяц. При учёте еженедельного отчёта о геолокации.

Вот жлоб. Сразу знал, что будет занижать всё.

— Во-вторых, бюджет увеличиваем в 3 раза. Когда цифр меньше четырёх, даже смотреть больно. То же касается оборудования — только качество и избыток.

— Допустим. — глаза Корвина сузились так, словно у китайца отбирают последний рис.

Ну и по мелочам я там добавил. В общем, пришли к соглашению, и меня отправили самого. С этого момента я и заблудился на добрых пару часов.

Не, ну в чём смысл делать все стены и коридоры одинаковыми везде? Издевательство.

Возвращаясь к настоящему, можно сказать, что это... Мой отпуск? Я должен только рассказывать «папочке», как я его провожу, и всё. Ну, всё не так и плохо.

— Прошу внимания! — Сказал командир бригады. — С сегодняшнего дня мы на важной миссии. Отнесёмся все к этому серьёзно. В первую очередь надо представиться, а потом распределить роли...

Пока он говорил, мне показалось, что этой воды хватило бы на всю Африку. Хотя не знаю, есть ли она тут. Я уже знаю, что задача у меня выездная и шпионская. Больше и не надо. В документах был указан адрес и номер платформы для поезда. Круто, что он тут есть.

Да и вообще! Взаимодействовать с ними мне не хочется. Хочешь сделать хорошо, сделай это сам, а няньки мне не нужны. Тоже мне, камеры на ножках.

На середине разговора я встал, подошёл к вешалке и взял новый плащ. До этого я уже затарился оружием — револьвер с патронником, лёгкий нож в наголеннике. Я специально надел много одежды, чтобы скрыть свой вид, потому что меня ещё ищут неравнодушные...

— Стой, ты куда? — «командир» выглядел недовольным и попытался возразить, пока я витал в своих мыслях.

— А есть ли смысл объяснять? На задание. И вам удачи. — Хлопнув дверью, я пошёл в сторону, указанную на карте. Ну и, неужели это мой отпуск?..

Иду. Просто иду. Переулок воняет гнилью, плесенью и ещё чем-то — вероятно, стыдом этой архитектурной халтуры. Шаг, ещё шаг.

Как уже по привычке решил практиковать зрение со стороны. Завёл точку обзора себе за спину.

Вижу: падает с высоты. Ангел. Глаза у него пустые. Или просто мне так показалось — всё-таки я не специалист по глазам. Но что-то... знакомое есть.

С глухим треском и влажным хрустом — прямо в мусорный бак. Металл гулко орёт на весь район.

Я дёргаюсь.

Что за чёрт?

Сначала вижу ногу — изломанную, в крови, но в сапоге. Потом остальное. Полураздетый, крылья — в лоскутках, лицо будто списали с иконы, а потом били прикладом.

Жив. Нет, не жив. Пуля добила.

Поворачиваю голову — там двое. Ну пусть будет Баран: массивный мутант с короткими, острыми рогами на лбу, в чёрном плаще и с тяжёлым револьвером с ножом, как у охотника на акул. И Паук: худой, быстрый, с четырьмя руками: две с компактными револьверами, другие с тонким стилетом и крюком на цепи.

Они тоже повернулись. Один сказал что-то невнятное, другой уже поднимал оружие.

Я, блядь, просто шёл. Ну да, классика. Накаркал называется.

Решил приблизить зрение к ним в притык, на сколько мог. Вижу отчётливо даже их пальцы. Опа, а это уже плохо. Паушок уже взвёл и нажимает на курок.

Думаю, секунда и выстрелит!

Едва успеваю, я резко поворачиваю голову в сторону на сколько могу.

Бах. Горячий ветерок щекочет висок.

В сантиметрах от меня. В тот момент я видел только, как он нажал. Будто время замедлилось. А пулю нутром почувствовал.

Ну нахер такие эксперименты. Видать, отпускать не собираются.

Сразу вбок. Пуля свистит, срывая штукатурку. За углом — пристройка, сломанный поддон, две картонные башни и труба, которую держит одна ржавчина на двоих.

Пуля Барана с грохотом вырвала кусок ржавой стойки в сантиметре от моего виска. Осколки цокнули по ткани капюшона. Слишком близко. Я прижался глубже, скинул перчатку для точности, но времени не дали.

Шесть патронов. Шесть шансов уложить этих ублюдков. Ладно.

Я выглядываю — один идёт слева, второй пробирается. Тактика. Не шпана. Эти знают, что делают.

Выстрел! Мимо. Второй сразу резко сместился.

— Вылезай! — рычит Баран, перезаряжая свой револьвер нарочито медленно. — Кости переломаем быстро!

Тра-та-та! Короткая очередь от Паука. Пули прошили то место, где я был секунду назад.

Я перекатился за следующую стойку. Четыре руки дают адскую скорострельность, но не меткость. Моя задача — заставить Барана подставить бока под мой выстрел.

— Он тут, справа! — завизжал Паук, его крюк лязгнул по ржавой трубе, пытаясь зацепить мой плащ.

Я выскочил не там, где он ожидал. Из-за угла, в полный рост, на полвыдоха.

БАМ! Мой выстрел. Пуля ударила Барану в плечо, где бронежилета не было. Хлюп! Он взревел от боли и ярости, зашатался.

Хорошо. Один ослаблен.

Но Паук был быстр. Чертовски быстр. Я не успел увернуться.

Жгучий удар под лопатку.

Его стилет! Тонкий, как игла, пронзил плащ. Рёбра? Острая, знакомая боль пронзила грудь. Я споткнулся. Чёрт!

Тра-та-та!

Очередь Паука. Одна пуля чиркнула по рёбрам, вторая пробила бедро. Взрыв агонии. Я рухнул на одно колено, упираясь рукой в пол.

— Сдох, гнида! — закричал Паук, выскакивая из укрытия, все четыре руки наготове. Баран, сжимая раненое плечо, поднял оружие.

Нет. Инстинкт.

Я рванулся не вверх, а вниз, под ноги Барану.

БАМ! Его выстрел разорвал воздух над головой. Я врезался в его здоровую ногу, целясь в подколенный изгиб — старый трюк ножевого боя.

Хруст!

Моя рука вмазалась во что-то твёрдое и дикая боль прошла запястье.

Сломано! Но Баран зарычал, пошатнулся.

Цепь!

Крюк Паука впился мне в спину и пробил плащ, зацепившись за что-то внутри. Нет! Его четвёртая рука рванула на себя.

Рывок.

Ощущение, что позвоночник вырывают клещами. Я взвыл от нечеловеческой боли, меня отшвырнуло назад, к ногам Паука. Мир померк.

— Держи его! — ревел Баран, ковыляя вперёд.

Паук навис надо мной, его четыре руки замерли тенями смерти.

— Прощай, — прошипел он. Его палец начал давить на спуск револьвера, направленного в мою грудь.

Бах-бах-бах!

Три пули ворвались в грудную клетку. Ледяной взрыв. Я почувствовал, как они прошивают лёгкие, разбивают рёбра. Боль была вселенской. Я ждал тьмы. Ждал конца.

Но тьма не пришла.

Пришло ощущение пустоты. Как будто в груди пробили окно, и сквозняк гуляет среди... обломков? Боль была адской, но я дышал. Сквозь развороченную клетку?

Паук замер. Его усмешка сползла. Он смотрел на мою грудь. На три аккуратные дырки в плаще. Из них не хлестала кровь фонтаном. Там что-то... Белело. Искрилось. Сыпалось мелкой крошкой.

— Что за чертовщина?.. — пробормотал он.

Не мысль, а чистая воля к жизни. Моя сломанная рука дёрнулась. Не к оружию. К ближайшему осколку ржавого металла на полу.

Я схватил его. Рванул вверх, в лицо Паука.

Чвяк! Осколок впился ему в щёку. Он вскрикнул, отшатнулся.

Я не думал. Я завалился на спину, используя крюк в позвоночнике как точку опоры! Мои ноги взметнулись вверх.

Хруст! Чёткий, сладкий звук, удар в челюсть Паука. Он полетел назад, цепь крюка натянулась как струна... и вырвалась из моей спины с отвратительным скрежетом!

Боль! Но... Связь!

Я почувствовал спину! Ноги! Я вскочил. Шатаюсь. Грудная клетка скрежетала, как разбитый фарфор. Из дыр торчали белые, зазубренные концы рёбер.

Баран замер. Его лицо, искажённое болью и яростью, стало маской страха. Он смотрел на мою грудь. На мою руку — кожа перчатки порвалась при ударе, и под ней... белела кость.

Фаланги пальцев. Целые, несмотря на сломанное запястье.

— Ч... Что ТЫ?! — прохрипел он, отступая, его револьвер дрожал в руке.

Паук, с разбитой челюстью, ползал по полу, хрипя кровавой пеной, пытаясь поднять револьвер. Его глаза были полны безумия и страха.

Я посмотрел на свою костяную руку. На дыры в груди. На осколки рёбер, торчащие из плаща. Прозрение ударило как ток. Я не могу умереть так. Я... ведь скелет! Как я умру от попадания в сердце!? Его же нет!

Ха! Ха-ха! После смерти я до сих пор воспринимал себя человеком. Но в этом мире — это слабость. Само мышление меня тормозило. Пора с этим кончать.

Одна из костей раньше отлетела к стене. Но я уже понимаю — можно и без неё. Главное — не забыть потом собрать.

Сейчас! Я бросился вперёд, низко. Моя костяная рука вцепилась в раненую ногу Барана, ту, что я бил.

Хруст! На этот раз — его кость! Он завизжал, как свинья — неловко.

Второй стреляет. Пуля прошивает руку — но она падает и... отваливается.

— Ну вы, блядь, и собрались. — говорю я, беру нож в оставшуюся руку и наношу колющий удар под ребро.

Челюсть защёлкивает скрежетом. Звук бодрящий.

Я использовал его падение, чтобы вскочить ему на грудь, придавив. Моя нога придавила руку с револьвером. Рука —

сжалась в кулак.

Удар! Не по лицу. По одному из его рогов у самого основания.

Треск! Рог сломался! Баран взвыл.

Я схватил обломок рога — острый, как кинжал. И вонзил ему в горло.

ХЛЮП-ХРЯСЬ!

Он захлебнулся, захрипел, судорожно дёргаясь подо мной.

Тишина. Прерываемая только хрипами Барана и стонущим Пауком. Я поднялся. Смотрел на свою костяную руку. На разбитую грудь. На сломанную ключицу. Я поднёс руку к плечу, к месту перелома.

Щелчок. Ощущение магнита. Осколки кости притянулись друг к другу, слиплись тусклым синим сиянием. Боль стихла до фонового гула. Рука дёрнулась. Срасталось.

Я повернулся к Пауку. Он полз, истекая кровью из разбитой челюсти, глядя на меня с немым ужасом. Его четыре руки беспомощно цеплялись за пол. Я подошёл.

— Как!.. — прохрипел он сквозь кровь.

Его крик был последним, что он издал. Не от боли. От страха. Мой ботинок опустился ему на горло.

Улыбаюсь — ну как улыбаюсь... у меня там череп.

Тишина. Глубокая. Я стоял среди трупов, глядя на свои руки. Я тронул пальцем ребро, торчащее из груди.

Скрежет.

Я поднял обломок своего ребра с пола. Приложил к дыре в груди. Щелчок-свист. Кость притянулась, сияние было слабее. Боль не могу игнорировать, но хоть недолго терпеть.

Боль есть. Но она уже похожа на тоску. А тоска — это почти комфорт.

Нужно собраться. Найти патроны. И... осмыслить это.

Я шагнул через тело Паука, поправляя капюшон, скрывая череп.

Выдохнул. Нету лёгких — а всё равно выдохнул.

— Ну и день. Хотел просто... отпуск.

Как только я собирался выходить в сторону пункта сбора, чтобы рассказать кровавую байку, в поле моего зрения появилась фигура. Знакомая...

Какой-то старик. Надо посмотреть поближе. Направляя зрение ближе к нему.

— А ты мне уже нравишься! — с нескрываемым энтузиазмом выкрикнул старик.

Щёлк...

Меч у него на поясе неестественно дёрнулся сам по себе, и в следующий момент моё зрение как током прошибло, и оно разделилось на 2 горизонтальные части.

Больно, очень блять! Я схватился за череп и пытался прикрыть глаза. Но кости пальцев встретили только пустоту.

Эх, пора бы уже привыкнуть.

— Старик, ты кто такой! И что тебе надо? — я хотел обматерить его, а потом понял, что произошло. Как он разре-

зал то, чего не существует? Адреналин и страх снова поднялись во мне. — Какого чёрта?

— Ты напоминаешь мне про мою молодость, не хочешь поговорить в другой обстановке? — Он выглядел невероятно бодрым. Даже его темп речи меня утомляет. — Не беспокойся, если бы я хотел, то ты давно пошёл на корм собакам.

— Ты же видел, что я бессмертный! — бросил я, а потом пришло осознание, что слишком радужно звучит. — И как тебе доверять?

— Расскажу по пути. — после этих слов старик появился рядом со мной с новым потоком ветра. — Так куда нам? — радушно улыбнулся старик.

— Эх, на вокзал. — Я смирился. Устал. — Это ты для души подрабатываешь, а так, кем работаешь?..

Глава 8 - Почему я весёлый такой

— Где я?..

Тут так темно и сыро, как будто только что прошел легкий осенний дождик.

— А нет, как-то душно, не хватает воздуха чтобы дышать полной грудью.

Какое—то неприятное чувство.

— Хм, мне кажется, или здесь потеплело? Ай, горячо...

— Стоп, почему я горю!

Огонь взвился по ногам — боль жгла, словно жилы рвались по одной, как по лестнице поднимаясь вверх. Я посмотрел вниз, и яркая вспышка света озарило пространство.

Меня окружала беспросветная тьма с редкими огнями, где-то непонятно далеко. Эта пустота давила на голову, заставляя всматриваться в происходящее под ногами.

Пока я озибался, картина изменилась.

Это были руки, множество рук из огня, которые драли и жгли на мне кожу и плоть. Особо яркое пламя озаряло их длинные когти.

Мучительная боль охватила торс, поднимаясь с каждой секундой. Я уже не чувствовал ног, но от этого легче не стало.

— ААА-ааа, ха-ха...

Прерывистое дыхание постоянно сбивалось, глаза болели

от дыма и гари, к горлу перестала поступать слюна.

От рук у огня выросли головы. Это были люди, самые разные. Их лица окрашивали эмоции боли и отчаяния, так беспомощно цепляясь за моё тело. Их редкие слёзы как раскалённая лава прошивала мне кости.

Я сам не понял, как безостановочно кричал от боли, хоть уже и беззвучно, горло походило на рваную тряпку. Я рыдал и кричал вместе с ними.

К сожалению, я даже узнавал эти лица. Люди из нашей касты, немногие друзья, и все те, с кем я имел связь. Зря...

Эта толпа подступала выше и выше. Вот моё горло обхватило множество рук.

Темнота отступила.

Я стал центром взрыва света, когда перед моим взглядом предстала больно знакомая картина.

Я висел на высоком столбе, а вокруг меня на площади множество людей, только уже горящих. Они молча смотрели, это была бы гробовая тишина.

Я не мог продолжать мыслить из-за постоянной боли, я не чувствовал ни рук, ни ног. Не мог дышать, и уже видеть.

Отчаяние и страх овладели мной.

— Воздух! Воздух! А-а-а, что, за что?! — пытался я сказать, но с ужасом понял, что говорить нечем.

Передо мной темнота, я не чувствую ничего, только пустоту, молчаливую и безразличную. Ощущение, что я тону...

Тишина. Даже боль куда-то ушла, оставив только пульса-

цию в висках.

Из этой темноты быстро вылезает гигантская рука из серого тумана.

Резкий и пронзительный крик заполняет мои мысли. Слишком живой, чтобы быть из сна.

— Ау, ты вообще живой? — Раздался непонятный голос со стороны. — По тебе просто не понятно, ха-ха. Меня слышно?

Где я? Почему не могу вздохнуть как ни стараюсь? А видеть?

После заданных самому себе вопросов, я понял.

Это был сон.

Хотя я не мог дышать, но это и не было необходимо скелету. А видеть я могу и без глаз.

Если бы я мог, то давно был бы в холодном поту.

— Слышу, мне просто снился сон. — я запнулся, осмысляя всё, что увидел — Ну, если кратко.

— Интересная ты личность всё-таки, — усмехнулся он, — пить будешь?

Голос принадлежал старику, который отнес меня к плацдарму, на котором мы сейчас сидим в ожидании поезда.

Я правильно рассчитал время, даже с запасом, но этот мужик быстрее ожиданий.

Рассматривая его сейчас, я отметил больше, чем его самоуверенность.

Это был мужчина с седой бородой, не низкий, но согнув-

шийся так, что роста поубавилось, для старика слишком подтянутые мышцы. Взгляд полностью отражает поведение — задорный, такой осознанный и понимающий, как будто сам побывал на твоём месте.

— Эх, да подожди ты со своим «пить» — угрюмо продекламировал я. — уже подъезжает мой состав, пора отбывать.

Этот хрыч увязался за мной без веской причины. Была бы моя воля, давно бы его выгнал.

Пока говорил, я сжимал и разжимал руку. Это реальность или нет.

Наверное, это всё-таки реальность. Как может быть кошмар во сне? Бред.

Хотя здесь всё бредово по сути...

— Если тебя что-то беспокоит, то можешь рассказать мне! — старик, имени которого я до сих пор не знаю, опять начал балаболить. — Советую выпить хоть стаканчик.

Он протягивает мне рюмку с чем-то напоминающем коньяк. Я беру в руки, но не ощущаю ничего. Эх.

— Ну-с, за знакомство! — он быстро опустошает свою рюмку и как—раз подъезжает локомотив.

Он говорил слишком легко, будто не замечал, что перед ним скелет. Я привык к странностям, но у этого старика в голосе была не бравада, а уверенность, как у человека, который давно перестал бояться вечности.

— Ладно. — я тоже, как по привычке, опрокидываю свою, и жду. Но приходит осознание. А чего ждать то?

— Ха-ха-ха-ха! — смех этой плесени слился с гудком состава.

В то же время, у меня произошел казус: подо мной образовалась лужа...

— Тварь такая...

— Ха-ха, я же говорил, что ты не с нами, а где-то в облаках. Надо было взбодрить.

— Твоя компания меня бесит. — я махнул на него рукой.
— Мне тебя как называть кстати? Я уже много чего придумал.

Мы прошли на перрон, показали свои билеты и стали искать свободный вагон. Тут старик останавливается, достает бутылку и показывает указательный палец, будто просил тишины.

— Имён много, но самые известные это Баал-Зебул раньше и Вельзевул сейчас. — Он запрокинул бутылку и скривившись, одним глазом посмотрел мою на реакцию.

Идущий сзади робот-слуга, коих здесь море, быстро развернулся и уехал с маленьким красным маячком на лбу. Испугалась что ли?

— Так ты демонюга? Везет мне на знакомства... — не сказать, что мне страшно, но я расстроился. Думал какой-нибудь богатенький, который будет меня по дружбе обеспечивать, а это не человек, ещё и опасный.

— Но ты не подумай, от демона только имя, а сам я не такой. Это вы себе напридумывали баек. — обижено скри-

вился Вельзевул.

Мы сели в купе для четверых и закрыли дверь. В окне началось движение и послышалось постукивание колес. Стало тихо и немного неловко. Я решил начать разговор:

— Это же сколько ты живешь? Или имена по наследству передаются?

— Не могу сказать, что именно я, но больше тысячекратно...

— Ты сам понял, что сказал или сам с собой говоришь?

— Я считаю, что не существует разума, который выдержит существование дольше, чем живое тело. Точнее знаю. — он задумчиво покрутил стакан в руках. — Чтобы не сойти с ума, мой разум адаптировался, создавая личность, которая в какой-то степени заменяет предыдущую. Так и вышло, что «я» живу лет 100, а в сумме пережил 10 поколений.

— И ты забываешь, что было до этого?

— Не совсем. Скорее как очень реалистичный сон..., и ты правда думаешь, что я так выглядел всегда? Ха-ха.

— А как тогда? Моложе?

— ...Нет. Почему одни выглядят как люди, а другие — как мутанты? Есть такое понятие как душа. Вот, как тебя зовут?

— Э... А, ну меня... — А как? Что происходит? Имя... Боль хлестнула череп, и мир дрогнул.

Моё имя... В голове будто зазвенел пустой звон. И вагон замер. Свет погас, а воздух стал густым, как перед грозой.

По стенам начал образовываться иней.

Сначала треснул воздух как стрела, потом свет. И она вошла: величественная и спокойная аура. Это было Елена, та, которую я видел ещё у Корвина.

— Всем привет, не нарушаем тут порядок? — По-доброму спросила она.

Я думал, что Вельзевул как демон сбежит, но выглядело совсем иначе.

— Давно не виделись, всё стабильно. А ты какими судьбами? — у них создавалась дружеская атмосфера.

— Сегодня дежурила в Великой библиотеке и пришел отчет о твоём имени, решила развеяться...

— Что за библиотека? — мне необходима любая информация.

Она что-то поняла и улыбнулась с лёгкостью.

— Это такое место, где собрались знания со всего мира! Они хранятся в книгах и собраны по секторам. Там есть даже такие, после которых якобы обретаешь неведомую с... К-ха — она запнулась и схватилась за горло. — Ладно, это не так и важно. На вопрос я ответила.

— А как мне проверить? — Я спросил, с надеждой на то, что её простотой я смогу получить что-то ценное. В подобных условиях совесть есть не более чем привилегия для богатых.

— Хочешь верь, хочешь нет. Но мне нет смысла врать. В правде сила и бог свободного. Хи-хи, опять пьёшь, Баал?

— Приходится. Как вспомню про старое, так сразу настроение портится.

— А как давно вы знакомы? — Спросил я.

— Где-то с 3 колена моего, — ответил Баал. — Тогда война ещё шла. В те времена ещё не было этажей, и все жили в одном загробном мире. Эх...

— Раньше многое отличалось, но надо не заикливаться на прошлом, а идти в перед. — она скинула волос с лица. — С приходом нового Господа пришло много новых реформ. Ну, не важно. Вы куда направляетесь?

— Мы куда направляемся? — попугаем спросил старик.

— Не мы, а я! И это тайна, но вы поделились своей, так что расскажу — в сектор Первородного Культа.

— Ох, там такая архитектура... Но я вижу, что колебания твоей души очень напряжённые. Как давно ты отдыхал?

— Кстати про душу. Это уже третий раз, когда я это слышу. У вас это что значит?

— Душа есть у каждого существа. — Начала Елена. Она успела присесть напротив окна и приняла стакан, который оперативно достал Баал-Зебул.

— То, как ты отделяешь от себя зрение и есть часть твоей души. — прервал Вельзевул и указал на мой череп. — Обычно способность манипулировать душой довольно редкая и её сложно освоить.

— Но все не видели, что я так могу. Только ты заметил. — я был немного в замешательстве.

Я не верил во всё подобное в своей жизни. А по пришествии сюда подсознательно отрицал. Времена изменились и к ним, видимо, пришло время адаптироваться.

Елена с обыденным тоном сказала:

— Это становится возможным при сильной концентрации и фокусе своей души на зрении.

— Ха-ха, у меня, например, душа олицетворяет ветер! — начал хвастаться старик, пряча пустую бутылку за пазуху. — Поэтому мы так быстро сюда добрались.

Его логика какая-то расплывчатая:

— Тогда что олицетворяет моя?

— Это поймешь ты сам в будущем. — Елена ответила после опустошения стакана.

— О, вот смотри! Это работа моей техники. — Вельзевул указал в окно.

Мы мчались в скоростном поезде и пейзаж за окном быстро менялся. Но сейчас картина была другой. Это была пустыня с отвесными скалами, где пески были с красным оттенком. Ветер задувал некоторые холмы и песок медленно, как водопад, сыпался в глубину каньона.

Сейчас в центре окна виднелась большая расщелина, где раскинулись веревочные мосты и на выступах стояли деревянные домики. Видно, что райончик не самый обеспеченный.

— И что? Ты архитектор ветряный? Не хочу разочаровать, но домики так себе.

— Эх ты! То, где они стоят и есть моя работа! Этой расщелины здесь не было, пока я не вызвал на дуэль Фауста.

Теперь его слова приобрели другой оттенок. Немного бредово звучит, но я смирился. Думаю, лучше не злить его.

Я ещё раз посмотрел в окно. Большая часть пустыни скрылась за оконной рамой. Послевкусие недосказанности осталось. Я понял, что меня беспокоило.

Это, во-первых, несправедливо большая разница с моими способностями, а во-вторых, он сказал именно «ветер».

— Тогда ты управляешь ветром в общих чертах: и себя ускоряешь и такие бедствия устраивать можешь. А у меня менять точку зрения и будь свободен? Можно ли тогда сказать, что у меня в основе лежит восприятие?

— Далеко глядишь! — Ангел похлопала в ладоши. — саму суть души можно ассоциировать с каким-то направлением, — Она начала загибать пальцы — отражающим мир природы, физики, восприятия или осознания как у тебя.

Елена погладила подбородок и продолжила:

— Например, душа грустного поэта из третьего вагона пахнет чернилами и старыми книгами, но её звуки — это скрип пера по бумаге.

Я вспомнил какой-то комикс и представил, что из глаз выходят лазерные лучи. Специфично... Так, что-то я не туда ушел.

— А что у тебя? — Я указал на Елену. Мои пустые глазницы были прикованы к её глазам. — Какова твоя душа?

— Пусть это останется загадкой. Оставим на потом. — Взгляд Ангела был точно направлен на мой. Даже несмотря на его эфемерность, я точно почувствовал, что она видела его в сантиметрах от своего лица.

Я так и не смог прочитывать какие эмоции она испытывает в этот момент.

— Ну что... Мне в любом случае пора. Удачи вам обоим. Елена улыбнулась и неспеша ушла из нашего вагона. Не знаю куда, но ладно.

Так мы и продолжили наш путь с этим демоном.

Когда прошло два дня с начала пути поезд наконец остановился. На месте ощущался жар: воздух был другой — живой, плотный, будто место дышало по-особенному.

За это время старик меня знатно измотал своими историями о былых временах, так что я был рад свободе.

Само место выглядело опрятно. Чистый пирон, организованная работа помощников: тут не было роботов, а место них работали люди, особенно удобно было грузчику с кучей щупалец вместо рук и его подобным. Место было освещено, и остальные без суматохи разбредались по делам.

Но из-за такой атмосферы все мне казалось каким-то неправильным. Тем более с этими гротескными жителями.

— Почему все люди так выглядят, как будто их родители были довольно неразборчивы в выборе партнера?

— На самом деле все мы выглядели так раньше. Просто мы нашли выход.

— Какой? Хирурга?

— Эффективнее всего снять нужную оболочку с другого: это или часть неудачливого жителя нижнего этажа, или Каратель верхнего. — поднял палец вверх.

— Те люди, которых ты убил, как раз занимались этим. Ну не суть. — он отпил и продолжил. — Но просто снять и одеть чужое невозможно в нашем мире. Мешает душа.

— Поэтому вы её вырывали? — может это и не зубы, но его тон подсказывал только этот вариант.

— Ты в какой-то степени прав. — Опять этот ностальгический взгляд, захотелось сбежать. — Но не будет об этом, помню эта тема и Нику не нравилась... Что ж, мне, наверное, пора. Удачи тебе в твоём деле. — Вельзевул тепло улыбнулся и с порывом ветра его не стало.

Я опять не заметил его движения.

Но меня привлекли восторженные звуки на той стороне дороги. Пройгнорировав отсутствие хоть каких-то знаков или разметки, перешел проезжую часть.

Я вышел из вокзала и попал прямо в какой-то большой парк с необычными деревьями и красной травой. В его центре, на небольшом фонтане проводилось какое-то мероприятие.

Женщина, вся в зеленом веселила жителей, которые столпились вокруг неё. В глазах людей читались очень яркие эмоции: от благоговения до экстаза. Сдержанная улыбка очаровывала, но больше всего привлекало другое — магия. Ес-

ли это можно так назвать.

Она взмахнула руками в обе стороны и во все стороны разлетелись множество лиловых бабочек. Они были самых разных размеров, с невероятными узорами.

И они взмыли вверх. Хотя некоторые предпочли остаться на зрителях.

Толпа затихла и как заворожённая смотрела. Разряженный воздух давал им легкость, а легкий ветерок освежал мысли.

Но многие мои чувства изменили порядок восприятия.

Песок хрустел под ногами, воздух вибрировал от жары. И среди этого беспорядка — летит. Только лёгкий, нежный взмах крыльев. Бабочка коснулась глазницы, и мир мигнул. Бабочка...

Глава 9 - Что дальше?

Конец лета. Ясное, раннее утро. Окраина города. Задний двор дома.

Недавно прошел приятный ночной дождь. На дворе не жарко, но и не душно. Зеленая трава блестит, в каплях росы отражаются лучи солнца.

Жизнь продолжается. Природа поёт.

На соседнем участке, в дереве, птицы построили гнездо. Скворцы щебечут ласковую песню, а воробьи купаются в мелких лужах, иногда собираясь поклевать очередной ягодный куст. Под ним тихо спит дворовая собака, свернувшись в клубок, и дремлет после мокрой ночи.

В траве мелькают свои жители: иногда кузнечик выпрыгнет, иногда какой-нибудь жук взлетит. Муравьи маршем ходят по сырой земле, а божья коровка взмыла в небо как красный знак светофора.

И тут, как коронованная особа насекомых, прилетела одинокая бабочка. Её грация и красота затмили даже цветы рядом с ней. Будто выбирая достойный бутон, она некоторая время порхала, пока не села на самый большой и яркий. Он, будто счастливый её выбором, склонил голову в почтении, а её тонкие усики прикоснулись к нему, как в игривом поцелуе подчинённому.

Может быть, и началась бы трапеза, но...

С неба, как удар молнии, обрушилась быстрая рука титана. Острым, глянцевым железом было захвачено сначала одно крыло, а затем и другое. Безжалостным порывом отделили её от цветка и ловко уложили на пропитанную спиртом доску. словно скальпелем, великан без раздумий отрезает рваным движением самое яркое и дорогое, что было у бабочки, её достоинство — крылья.

В больших невинных глазах насекомого отразился непомерный ужас от происходящего, когда страх затмил все её рецепторы. Инстинкт подсказывал — пока жива, не всё потеряно, главное выжить и оставить после себя новое поколение.

Но это был не конец...

Лежа на спине, бабочка не могла убежать.

Огромное твердое море нависло над ней, с большим усилием отражая солнечные лучи. Неужели божественное спасение? Нет.

Солнце затмил огромный глаз, который навис над жертвой с изучающих выражением.

С боку сверкнул холодный металл, рванный словно крест.

Без минуты на осознание это орудие безжалостно оторвало конечность королеве. Судороги схватили маленькое тельце под пристальным вниманием исполинского глаза. Нога было отброшена.

И так началась пытка цареубийцы. Дьявол раздирал каждую часть тела насекомого, всматриваясь как в сам процесс,

так и на реакцию.

Это длилось будто вечность.

Те нежный усики королевской крови стали не больше, чем мусор в куче плоти на земле, которую словно в траур уносили трудоголики муравьи.

Без них она больше не понимала внешнего мира и могла только уповать внутри себя.

Бабочка поняла свою ошибку. Выжить не самое главное. Смерть, быстрая смерть намного легче и лучше, чем мучительная бойня от исполинского тирана.

Это было последнее, что промелькнуло в молчаливом взгляде королевы, прежде чем лишиться туловища и тихо умереть.

В одиночестве.

— Привет, что делаешь? — спросил мужчина сорока лет, глядя на маленького мальчика с дощечкой в руке.

— А, я собираю коллекцию красивых вещей. — невинно улыбнулся ребёнок, и отложив в сторону доску, протянул отцу книгу.

Когда он открыл её, то взору предстала не детская картина.

Отпечаток из муравья, где видно, что попытка далеко не первая. Три изящные клешни богомола разных цветов и размеров. Разноцветные крылья бабочек. Перья, чешуя, раковины, даже чьи-то небольшие зубы.

— Для тебя всё это красиво? — серьёзно спросил мужчина, озадаченный тем, что увидел.

Пока он разглядывал альбом мальчик уже успел отвлечься. Он на дощечке что-то очень тщательно делал, даже подставив линзу, чтобы лучше видеть.

Предположение в голове человека возникло само по себе, и, к сожалению последнего, не было ошибочным. Его сын с энтузиазмом расчленял бабочку.

— Зачем ты это делаешь?!

— Что? — закончив, ребенок посмотрел на него с тревогой, потому что уловил грозность в голосе.

— Тебе не жаль это создание? — с возмущением спросил отец.

— Жаль. Поэтому я и спас его! — с уверенностью ответил сын, размахивая руками в знак протеста.

— От чего?

— От страданий! Она мучилась, а я спас её. Я помог ей заснуть.

— Ты же понимаешь, что она, как и все другие твои именно что жертвы, уснула навсегда! Умерла, она умерла! — мужчина повысил голос, а потом и вовсе начал кричать.

В его взгляде читалось много чего, что не мог понять маленький ребенок, но для себя он уловил одно. Разочарование.

Отец был недоволен им. Почему?

— Почему?! — в ответ крикнул он.

— Что? — опешил отец.

— Почему ты думаешь, что это плохо! — рука мальчика поднялась и указывала на своего отца — Ты знаешь, чего она хотела? А моя мама? Может, всю жизнь прожив в мучении, вместо того чтобы испытывать отчаяние... — Рука ребёнка опустилась, он сказал более тихо — Лучше просто умереть?

В этот момент взгляд мужчины опустел. Матовые, безжизненные глаза устремились в неопределённое пространство за спину мальчика. Руки опустились, осанка подкосилась, а спина скривилась.

— Ах, ты прав, ты говоришь правильно... — затрепетал он голосом, будто ласковым, но с сухих губ сходило это наиграно. — Я, я... больше не буду мешать. Ты... молодец.

Он с глухим стуком опустился на колени перед непонимающим ребенком и обнял его всем телом, но так, чтобы была возможность вырваться.

— Можешь делать всё, что тебе захочется, а я помогу. — он похлопал мальчика по спине и почти шепотом произнес. — ну, тогда я пойду...

Интонация была даже вопросительной. Ребенок не видел выражения лица у отца, но подумал, что выиграл этот спор. Неуверенно, но с натянутой улыбкой он произнес:

— Да, иди. Спасибо...

В тот же миг мужчина подорвался и ушел, потирая рукой подбородок, с немного косым шагом.

Взгляд сына упал на землю перед собой.

Там, где раньше были части бабочки, больше ничего не было, будто кто-то незаметно украл, а на месте лежал альбом. В ходе ссоры он был опрокинут и из него вывалились крылья. Те пурпурно-аметистовые крылья бабочки, что он только что освободил...

Начало зимы. Время суток неясно. Окраина города. Огромный пустырь.

Недавно прошла острая снежная метель. Воздух давяще холодный, прорезающий гортань. Земля промерзла так, что в трещины зашел мелкий снег, а все живые растения в момент завяли, оставив после себя только трескающийся незаметный хворост и корни.

Жизнь остановилась. Природа скорбит.

На небе солнца не видно, даже лучика, только неясное отражение из серых облаков, которые плывут низко и медленно, как пыльная пелена в угрозе накрыть всю окраину.

Поблизости не было никаких животных, кроме редкого коршуна, который нашел полно еды, но боится, что другие узнают.

Стояла громкая тишина природы, но не человека. Разразились крики...

Одинокая женщина, возможно мать, упала на колени и дрожала всем телом. Её глаза налились бы слезами, но глухой мороз замерзал всю влагу, да и жидкости на слезы у нее больше не было. Она просто истошно кричала с широко от-

крытыми глазами, все морщины на лице показывали ту боль, которую не могла прожить её душа. Когда её ледяные руки отпустили каменную плиту и начали с бессилием драть волосы на голосе, её оттащили назад пару человек, которые безмолвно наблюдали за ней. Но в их глазах не было сочувствия к ней, они лишь тихо окинули взглядом округу и в скорби пошли к толпе в центре.

А взгляду было за что зацепиться...

Всё поле было усеяно могильными плитами в аккуратных рядах. Обычный человек сказал бы, что они простирались за горизонт. Далеко не на каждой могиле были таблички с именами и тем более цветы, но там где они были, эти красные бутоны лишь резали и без того уставшие глаза людей, как одинокие пятна крови на умерщвлённой земле.

В воздухе взорвался огненный залп, ненадолго озарив небо яркой вспышкой, смешав горечь с запахом пороха. Это торжественно выстрелили солдаты в честь тех, кто был перед ними.

В той части поля ситуация была не лучше.

Тут уже не было могил, а просто большая яма. Но она была не пустая. Если везде был снег, то в ней ещё недавно могло быть тепло, которое превратило его в воду. А когда эта вода опять замерзла, превратилась в корку льда над ними.

Это были горы тел. Человеческие тела. Они все искалечены, каждый в своей уникальной мере. Со стороны, чем дальше отходишь, тем больше это походило на месиво, где

неудачно прошел ураган из лезвий.

Эта неописуемая сцена была прикрыта мизерной крышкой воображаемого ледяного гроба.

Процессия уже заканчивалась, голоса утихали, крики и вопли перешли в одинокие всхлипы и тяжелое дыхание.

Человек в военной форме намного опрятнее, чем у других, стоял в середине толпы и обратил своё внимание вниз. Его глаза не выражали ничего, что могло бы прочитаться в этой ситуации.

Без какого-либо напряжения он подошел к яме и сказал достаточно тихо, чтобы никто лишний не услышал:

— Выражать почтение трупам... — его лицо скривилось.
— Тебя все равно не услышат.

Он пнул камень ног и проверил кобуру. Всё на месте.

— Надо было раньше, когда это от тебя зависело. — мужчина сузил глаза — Небеса нам не помощник...

В этот момент в кармане одного из солдат в той яме зашуршало. Шелковый кокон был поврежден, когда тело скидывали в кучу. На свет раньше времени родилась бабочка.

Она отряхнулась от шелка, размяла крылья и неохотно взлетела под дуновения холодного ветра.

Это было малиновое пятно в море серого пепла. Картина, которую она не заслужила...

Бах-! Раздался одиночный выстрел.

Мужчина в начале процессии поднял своей револьвер, нацеленный вперед. Из дула выходил остаток дыма тонкой

струйкой.

«Мальчик» пробормотал, с глазами, в которых немного читалась горечь прошлого:

— Свобода... — он выплюнул последнее слово. — иллюзия.

Бабочка, которая только что начала лететь, теперь как осенний лист опадала обратно в трупную яму, обугленная, без намека на жизнь.

— Что же это, я на месте... — захлестнувшие меня воспоминания отступили.

Лиловое крыло, пронзившее пустоту моей глазницы, уже исчезло в круговороте красок.

Пора заканчивать с меланхолией.

Я сжал фиолетовую бабочку в руках. Она рассыпалась на яркую, пушистую пыль и проскользнула сквозь мои кости.

Это была моя цель. Она – Луиза, или глава здешнего культа, в доверие к которому мне надо втереться, чтобы работать двойным агентом.

— Так-с, для начала ночлег, а потом и официальная регистрация. — Я потер подбородок и определял в какую сторону пойти. — Для начала надо сменить образ на ободранного, который ищет кров и силу, которая его защитит.

Я зашел за угол и быстро переделся, чтобы никакая часть моего скелета не была видна.

Выйдя к дороге, я заметил, что развилок намного больше,

чем предполагал изначально.

Решение пройтись по самой оживленной пришло довольно быстро.

Это была дорожка из мощенного камня, которой по виду уже не одно десятилетие. Как в общем, и многому в этом городе. Время будто остановилось для всего неживого.

Я иду вместе с толпой и озираюсь повсюду.

Это было что-то около праздничного вечера, когда люди несмотря на все свои проблемы пытаются улыбаться друг другу. Деревья кроме как хаос было сложно назвать. Сам ствол извивался вместе с ветками в завитки, а листья серо-белого цвета острой пикой направлены вниз.

Но словно этого не хватило на каждом дереве повесили подобие гирлянды, которая светилась не от электричества, а от мелких светлячков, обмотанных чем-то в полупрозрачные круги.

Во всех домах были распахнуты окна, а под домами расставили стулья и столы, предлагая посидеть. На разных углах улицы играли музыканты. Кто-то нашел готовый, привычный на вид, инструмент, а кто-то играл на, похожем на ребро, по которому он водим смычком из каких-то волос или проволок. Но гармония была одна на всех.

Все они улыбались, цепляясь за этот вечер, как за соломинку...

Я так засмотрелся, что чуть не столкнулся с парой полулюдей, которые пустились в пляс по всей улице. Прохожие

тут же завелись и начали подбадривать их.

Всеобщее веселье контрастировало с тишиной и трауром в других участках даже в этой стране. Сразу видна разница классов даже здесь.

В конце улицы, на середине перекрестка собрались люди в одинаковых одеждах, подзывая равнодушную публику. Они предлагали еду и одежду и конечно листовки с приглашениями.

То, что мне нужно.

Я медленно подошел к ним и вклинился в процесс.

Один человек взял на себя роль агитатора и радостно рассказывал про все привилегии пойти с ними и работать под их началом. Параллельно разговаривая и отвечая на вопросы, он раздавал листовки с адресами приёма.

— Социализм обойдется и без вас, а вы без него проживете зря и помрете, да? — весело крикнул я, ожидая реакции.

Кто-то засмеялся, кто-то осуждающе промолчал, а кто-то и не обратил внимание. Но цели я достиг.

На меня обратил внимание этот парень и сунул мне в руки этот лист бумаги, будто хотел, чтобы нарушитель спокойствия быстрее ушел.

Ну, меня два раза просить не надо.

Быстро найдя нужное место, на месте я нашел здание — небольшая церквушка с окнами без витража, а простыми, которые даже от мороза не спасут.

Внутри были расставлены лавки для ожидания, а по бо-

кам в конце зала располагались столы регистрации. Я после небольшой очереди подошел к одному из столов, за которым сидела предположительно женщина с ушами летучей мыши. По крайней мере, ниже пояса видно не было, а мне и не надо знать.

После серии вопросов, которые превратились в пытку, хоть я и был подготовлен и отвечал, как задумано...

Наконец прозвучал последний вопрос:

— Как к вам обращаться? Надо записать в дело. — с деловитым отрешённым взглядом спросила она.

— Можно без этого? — что-то внутри меня опасно скользнуло по закоулкам разума. Сейчас трогать это я не хочу.

— Пропуск? Навряд ли. — довольно категорично с её стороны.

— Хорошо, давайте сделаем вид, что вы забыли. Пробел. Всё. — умоляюще спросил я.

— Пробел? Войд. Так и запишем. — без изменений в лице написала она.

В ушах (вернее, в том, что их заменяло) прозвучал глухой удар. Не имя. Не титул. Констатация факта.

Пустота, принявшая форму. Неплохо звучит для новой личности.

Вот гадина. Ну ладно. Она всего лишь назвала вещи своими именами.

Мне всё равно, как будут называть это тело. Главное, что

я из себя представляю.

Пора начинать...

Глава 10 - Рутин фанатика. Часть 1

Иногда мысли не дают покоя, заставляя смотреть на потолок с тупым лицом.

Каждый наш день мы продолжаем существовать, осознавать своё бытие. Кто-то считает свои условия жизни убогими, хоть лезь на стену, кто-то считает себя счастливым семьянином и отличным другом. Но именно жизнь – есть ли у людей желание жить? Почему эти самые люди в один момент убивают себя, а иногда прихватывая близких? Это желание смерти или лишь ощущение, что другого выхода больше нет?

Получая определенные эмоции, хочешь ли ты продолжать испытывать только их, или именно желание испытать что-то другое даёт силы продолжать?

Психика человека хрупка настолько, насколько ты вглядываешься в неё. Этот семьянин любит детей, жену и писать стихи, но в какой-то момент заглянул не в ту дверь и не смог выйти. Да, у каждого человека эта дверь в голове своя, но она есть.

Вот только здесь ты являешься собой, по ту сторону изгороди тоже ты. Убивая часть себя, это «себя» может трансформироваться, но всё равно остается тобой. Ты десять лет назад, и ты сейчас — один и тот же человек. Одна сущность.

В начале ты — это стакан с водой, допустим, чистой, но со временем туда окунают ложку дёгтя, разливают множество различных красок, сахар, соль и многое другое, что в конце концов формирует личность. А стакан тот же.

Бывает, что дёготь заполнил стакан так, что становится невыносимо противно. Бывает, красок было так много, что получился серый цвет, и им закапали глаза тоской и отчаянием. А бывает, что стакан просто переполняется. Из него постоянно что-то выливается. Да так, что другим кажется, будто всё хорошо: человек активный, у него есть желание жить. Но вот края стакана стачиваются под потоками жидкости, а человек уже и не вдохнет на том дне реки, где он сам себя положил.

Бывает много чего, но вот желание смерти... Позволено ли природой человеку такое желание? Мы долго эволюционировали, но также боимся высоты, насекомых, громких звуков и смерти.

Так может ли желание жить иссякнуть? Тело говорит нет, но в этой стеклянной тюрьме разума мы из-за примесей в воде можем не замечать те блики солнца, что освещают это место. Мы говорим себе, что это невыносимо, нетерпимо, нереально, но берём и выносим, терпим то, что реально. Любой камень точится водой, но, став этой водой, человек может рушить целые скалы.

Вот только есть ли тут желание жить, или это инстинкт движения вперед? Выбор человека? Или лишь иллюзия вы-

бора? Все эти фантомные вещи в голове доставляют много проблем для разума человека. Так что главное в этом деле – уметь вовремя остановиться.

О, а вот и время общего подъёма в этом фантастическом жильё казарменного типа почти в центре территории культа, куда меня записали по доброте душевной... Или нет, но мы с вами это сейчас и узнаем!

Что-то я начинаю походить на Ника со своим маразмом в случайный момент времени.

Сейчас я больше похожу на мумию, потому что большую часть вещей сдают на входе со словами про новую жизнь.

И вот с разных сторон слышны удары в колокол – сигнал начала дня. Так как освещение в комнате нет, то дыра в потолке служила отличным светильником. И не только.

Наши новые вещи выбросили прямо на стол посередине комнаты из этой дыры. Эта одежда не отличалась друг от друга ничем, кроме размеров.

И да, фактически мы живём под землёй. Может, и сыро, но при таком тёплом климате условия вполне сносные.

Мы всей толпой начали разгребать одежду. Те, кому размер не подошёл, передавали её другим, пока каждая вещь не находила своего хозяина.

Этот ритуал общего досуга будто направлен на сплочение людей. Новички быстро понимали: здесь чужих вещей не бывает, а чужие проблемы быстро становятся общими. Умно с их стороны.

- Что с тобой случилось, что ты весь обмотан? – спросил один здоровяк с каким-то простым лицом.

- Ожоги. Любопытство — вредная привычка. Не советую ей заражаться – тебе не к лицу думать.

- ...

- Зато ему к лицу обворожительная улыбка, - подключился к разговору какой-то мелкий, похожий на гнома, улыбнувшись громиле, - а к твоему лицу его кулаки 20 сантиметров, так что давайте уважать друг друга.

Кто-то со стороны посмеялся над этой тупой шутки. Невежи...

Нас прервали, хлопнув дверьми, которые до этого были закрыты на замок с той стороны. Фигура без отличительных черт, в полностью белой мешковатой одежде подозвала нас рукой.

- Строимся и выходим на утреннюю молитву. Ваш корпус четвертый в очереди, так что по тупи свернем во двор физической активности.

Не дожидаясь нашего мнения, он повернулся и зашагал в неизвестном мне направлении. Наш «корпус» был сформирован недавно, так что мы шли довольно разрозненно, по сравнению с другими, но уже успели сформироваться кружки по интересам. Кто-то рассказывал, а другие слушали и старались идти недалеко друг от друга.

Достаточно одной дороги, чтобы люди начали искать тех, рядом с кем идти. Стадо собирается удивительно быстро.

Архитектура этого места будто не допускала самой возможности выбиться из стада. Всё играло на сплоченность, ведь даже узкие места и тропинки на пути способствовали не толканию, а выстраиванию, чему ещё неплохо способствовал темп руководящего.

И вроде идем нормально, но это просто мучительно. Как можно слушать нытьё очередного бомжа с таким энтузиазмом? Надо скрасить путь:

— Очередность молитвы... По полезности?

Наверное, если группа перестает быть полезной, то становится в конец очереди и по итогу сама отмирает с голоду. Очень недурной способ.

- Нет, ты можешь понять всё сам если согласишься по сторонам. – спокойно проговорила фигура, будто была готова к любым вопросам. Вот же гад.

Я начал озираться по сторонам, а за мной начали повторять некоторые зеваки.

Толпу впереди нас, которая сразу сворачивала в сторону здания по типу церкви, даже толпой было тяжело назвать. Это был организационный строй: все шли по парам, уступали друг другу дорогу на поворотах, одеты чисто и у всех идеальный размер одежды, а разговоров в «строю» вообще не было.

Даже шагали они быстрее. Не потому, что спешили. Просто никто не мешал друг другу существовать.

Вот, значит, как. Не наказание. Демонстрация.

Я обернулся, чтобы посмотреть на своих спутников. И я в шоке!

На их тупых лицах появилось выражение озарения и даже уважения. Вы на дне, но у вас теперь всё есть, чтобы жить ни о чем не переживая, а вы восхищаетесь тем, что амёбы без собственной воли получили право первыми целовать руку тому, кто посадил их на поводок.

Вот только чего-то не хватает... Какой-то такой шестерни, которая замкнет цепь.

Что я упустил? Ладно, не сейчас.

Каменная кладка стала более ровной и гладкой. Пройдя небольшой ряд из декоративных деревьев, мы вышли на широкую местность.

Мы дошли на полигон для тренировок, как я понял. Наша группа была не единственная, но толкаться не приходилось.

Впереди стояли одинаковые служители в обтягивающих нарядах с более-менее человеческими пропорциями и показывали разные движения.

Любая армия начинается с одинаковых движений. Разница лишь в том, кому потом приказывают убивать.

Своеобразная зарядка. Вот только это баранье стойло делало движения, не ориентируясь на пропорции своего тела. Но многие веселились и с улыбками продолжали этот цирк.

Какое расточительство, а ведь я мог бы сделать из них перwokлассных солдат или по крайней мере отличное пушечное мясо.

Наконец очередь добралась и до нашей группы. Нас рассадили по лавкам, и служитель принялся читать какую-то хрень, от которой веки тяжелели быстрее, чем от бессонной ночи.

Так скучно, что можно из скрипа коленей написать композицию...

О, лавочка сделана из дерева, а спереди меня уселся кусок сала, который еле как сложил подобие пальцев для молитвы. А рядом с ним уселся отчаянный, что очень внимательно слушал и старательно кивал в ритм слов служителя на подиуме.

Скука — плохой советчик. Отличный шанс немного оживить происходящее.

Я упёрся носком в ножку лавки, нащупал место, где древесина уже начала трескаться...

Хрясь

Я с силой ударил по ножке лавки так, что она сломалась и покосилась в бок, а под весом амбала и вовсе сложилась пополам.

Тишина.

Все обернулись посмотреть на этот перформанс.

Кто-то начал помогать упавшим встать, а другие вообще собирали обломки дерева...

Этот новоиспеченный фанатик весь покраснел и так зыркнул на толстяка, что искры могли пожарить отличное сало.

Осталось подтолкнуть. Надо понять, что делают с нарушителями порядка.

- Бей его, гада неблагодарного.

И тут началось. Дракой это назвать было сложно. Скорее, избиением мешка с картошкой.

- Великая Мать указала мне путь, а ты! Мешаешь мне попытаться хоть что-то изменить в своей уже второй жизни. — рыдая и размахивая руками надрывисто тараторил фанатик.

Он рыдал, не переставая бить. И, как мне кажется, не оправдывали избиения ближнего. Но это имеет значение?

Их не разнимали.

Ждали.

Пока кто-нибудь из них не перестанет вставать.

Но вот подошли двое стражников и какими-то палками отвели их друг от друга.

- Ну, Бог своему сыну простит. Родственные связи всё-таки. - с усмешкой сказал я.

Всё-таки от осинки не родятся апельсинки.

Служитель, который на подиуме читал свои речи заметил меня и с каким-то озлобленным блеском указал в мою сторону и передал что-то охранникам по бокам.

Подхватили меня под руки так естественно, будто заранее знали, чем всё закончится. Увели в незаметную дверь за всеми лавками. Почему по итогу проверяю я на себе?

- Я так понимаю это чисто в образовательных целях?

Или почему меня волочат, когда ноги присутствуют. Хотя,

смотря на нынешнюю тенденцию, это не на долго.

В коротком пути никто и слова не проронил, они шли как роботы, одинаковой походкой.

И вот, принесли в какую-то темную комнату и посадили напротив старика в рясе. И не знаю повезло ли ему, но лицо было полностью человеческим.

Он начал говорить так спокойно, словно в планах был не выговор, а сказка на ночь:

- Понимаешь ли ты, почему привели тебя сюда?

- Не знаю, если честно - косить под тупого, как все, кто в той комнате, у меня получалось хорошо.

- Нет, твои маленькие проказы и любопытные вопросы не стоят такого внимания, но твоё изречение про Бога недопустимо... Ты будешь наказан, ведь все мы здесь живем по правилам. – он мягко улыбнулся. Хоть прищуренные глаза и не выдавали эмоций. - Но так как ты здесь недавно, то великодушная Мать простит это. Ты просто посидишь здесь с этой книгой и подумаешь над своими словами. Ты останешься здесь до тех пор, пока слова не перестанут казаться тебе удачной шуткой.

-... Ха-ха-ха-хааа, да босс, ноль проблем.

Меня настолько рассмешил этот абсурд, что смех вырвался сам собой. Они знали всё, что я делал на протяжении дня, и даже незначительные вопросы передавались выше. Не сло-манная лавка, не драка и даже не мои вопросы заставили их притащить меня сюда. Всего одна фраза о Боге.

Интересно, где записаны правила этого места?

Эх, вот только здесь ещё скучнее, чем там.

Если сейчас убить тех двоих у двери...

Нет.

Слишком рано.

Посмотрим, хотя бы книги здесь лучше, чем проповеди.

Такой нудятиной даже библия не отличалась!

Я устал. От собственного бездействия. Зубы скоро сотрутся от бессмысленного скрежета бессилия.

Ощущать собственное тело в той комнате оказалось неожиданно тяжёлой работой. К счастью, срок подошел к концу.

По расписанию сейчас мы вольны делать, что хотим, пока не выдадут задание. Но как добраться до полигона для отдыха? Меня бросили...

Надо найти того, кто меня сопроводит. Так, а вот и решение.

Неподалёку проходил какой-то работяга, с оранжевой кожей и длинными руками, но небольшим ростом и горбатый.

— Эй. Ты свободен? Отлично. Теперь нет. Проводи меня к выдаче поручений, желательно побыстрее ножками дрыгать.

- Как пожелаете. – доброжелательно проговорил желторотик. Довольно кроткий оказался. – Нам сюда.

Он повел вперед, но как-то не старался ускоряться, и, не

оборачиваясь, спросил будто невзначай:

- А из какого вы отряда? – его взгляд выглядел встревоженным. Скорее всего из-за очень человеческого силуэта подумал, что я кто-то важный. Интересно, это проявление дедовщины такое?

- Из нового, под номером d58 значится. – Интерес исчез быстрее, чем появился. – но тебя это волновать не должно, понял?

Я незаметно для других приставил к его шее острый осколок от той лавочки, что разломалась в церкви.

Даже не обернувшись, я прижал осколок к его шее. Иногда страх действует быстрее слов.

- Да укажет свет вам путь, господин. – зашагал он как небывало.

Пошёл ты со своим светом! Даже Икар понял, что света бывает слишком много.

Но мне не дает покоя его спокойность. Что же может отключить страх смерти?

Странно...

По приходе, передо мной раскинулась арена для боёв, тренировочная площадка, большой стенд с новостями и куча людей куда не посмотри.

С другой стороны стояли стойки с регистрацией, куча столиков, стульев и диванов, небольшая открытая кухня и многое другое. В общем, собрали что могли.

Тут же, в одной из кучек людей я нашел свою группу, ко-

торая что-то обсуждала.

Как оказалось выдают поручения как одежду: горсть на группу.

И навряд ли нам, новичкам, дадут что-то интересное.

Но если поискать у других, то смогу найти достойное меня. Главное — выглядеть так, будто ты знаешь, куда идёшь. Люди редко проверяют уверенность.

В толпе у столиков я заметил человека-осьминога, который уже сидел с бумажкой и с недовольным видом её читал, при этом он имел какой-то шлем, хорошие штаны, в общем – точно не промоутером работает. Это шанс.

- Да благословит тебя Бог, вижу ты недоволен священным поручением. Не хочешь ли отдать его мне? Я готов на всё!

Воодушевление всегда хорошо продаётся. Даже на собесаждениях.

- Какой у тебя ранг? – спросил осьминог, не забывая про жестикуляцию щупальцами. – Я так понимаю, ты новенький, а уже так рьяно в бой! Моя миссия подойдёт только моему рангу, так что для тебя скорее всего будет рановато.

Тц-! Оказывается, у нас тут не абы кто сидит, посмотрите на него. Авантюристы из романа прямо-таки.

— Вот, можешь взять моё задание. – сказал какой-то человек карась.

- Дай сюда.

Надпись: Агитация населения на территории трущоб № 91.

Да ёб твою...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.